

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ

КАЗЯЧИЙ
СПАС

Боевая фантастика (АСТ)

Ерофей Трофимов

Казачий спас

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Казачий спас / Е. Трофимов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-121478-4

Многое рассказывают о них. Что и воины они великие, что и смерти не боятся, что... Но вот что из этого правда, знают только они сами. Казаки. Те, кого называют вольным воинством. Те, кто служит не правителям, а родине, и испокон веков хранят свою землю от любого врага...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121478-4

© Трофимов Е., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Ерофей Трофимов

Казачий спас

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Ерофей Трофимов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Ерофей Трофимов

Родился в Баку в 1966 году. После службы в армии пять лет проработал на Крайнем Севере. В девяностых годах, как и большинство российских граждан, сменил много профессий. В 2007 году закончил вечернее отделение юридического факультета. Активно занимается литературой с 2008 года.

Огромный косматый волчара глухо рыкнул, и глаза его сверкнули алым пламенем, словно угольки угасающего костра. Юлдуз еле слышно ахнула и попыталась отступить, но, запнувшись о корень старого карагача, рухнула на спину так, что дыхание перехватило. Девушка сжалась в комочек, ожидая, что сейчас безжалостные клыки вонзятся в ее незащищенную плоть, но ничего не происходило. Только озорной ветерок с гор шумел листвой старого дерева.

Юлдуз не знала, сколько пролежала так, ни жива ни мертва, но когда первые лучи солнца коснулись древесных крон, страх ушел, словно растворился. Девушка сделала глубокий вздох и, поднявшись на подрагивающие ноги, медленно огляделась. Ей, шестнадцатилетней сироте, вот уже два года приходилось заботиться о себе самой. Родители умерли от черной оспы, а родственники побоялись пускать в дом девочку, выжившую вопреки всем предсказаниям стариков.

Вспомнив про привязанную на поляне рядом козу и ночную встречу с волком, Юлдуз охнула и, подобрав длинную юбку, кинулась спасать свою кормилицу. Выбежав на поляну, девушка с облегчением разглядела белую шерстку козы и, улыбнувшись, шагнула к крошечному ручью, умыться и промочить пересохшее от страха горло. Но едва только девушка сделала пару глотков ледяной воды, как в кустах послышался треск, и на поляну вывалился громадный полуголый мужчина.

Не обращая на испуганно замершую девчонку и ее козу внимания, мужчина, шатаясь, подошел к воде и, буквально рухнув в русло ручья, со стоном опустил лицо в воду. Только

теперь Юлдуз поняла, что он был ранен. Вода в ручье окрасилась розовым. Сама не понимая, что делает, Юлдуз шагнула к мужчине и, опустившись на колени, присмотрелась. Несколько широких, рубленых ран на его плечах вдруг перестали кровить и начали затягиваться буквально на глазах.

Подняв из воды голову, мужчина, постанывая, перевернулся на спину и снова погрузил лицо в воду. Юлдуз смотрела и не понимала, что происходит. Все раны, покрывавшие грудь и лицо этого странного человека, затягивались. Как такое могло быть?! Ведь такое подвластно только Всевышнему или проклятому! Ну, или в крайнем случае колдуну. Но все колдуны это последователи проклятого. Это все знают. Как знают и то, что они не переносят солнечного света. А тут...

Юлдуз окончательно запуталась. Мужчина вдруг открыл глаза и медленно сел. Потом, развернувшись, он встал на колени и, зачерпнув горстью воду, напился. Запрокинув голову, он подставил лицо солнечным лучам и улыбнулся, словно радуясь нарождающемуся дню. Вспомнив, что вода в ручье такая холодная, что зубы сводит, Юлдуз невольно вздрогнула и поежилась, представив, что сейчас чувствует этот странный человек. Тот, словно услышав ее мысли, нашел девушку взглядом, и она в очередной раз вздрогнула. Прямо ей в глаза был направлен взгляд странного, медового цвета глаз.

– Не бойся, девочка. Я не воюю с женщинами, – улыбнулся мужчина.

Голос его звучал хрипло, а слова черкесского языка он выговаривал хоть и правильно, но со странным, жестким акцентом.

– Ты колдун? – решившись, спросила Юлдуз.

– Я казак, девочка. Характерник. Сотник, Григорий Серко. А тебя как зовут?

– Юлдуз.

– Звездочка, значит, – кивнул казак. – А что, похоже. Особенно когда улыбаешься. Сразу сиять начинаешь, как звездочка.

Юлдуз растерялась. Такие слова ей говорил только покойный отец. Вспомнив родителей, девушка разом погрузилась и опустила голову.

– Что с тобой? – насторожился казак.

– Родителей вспомнила.

– А где они?

– Умерли. Оспа, – коротко ответила Юлдуз.

– Так ты сирота? – осторожно уточнил казак.

– Да.

– Понятно. А коза чья?

– Моя. Кормилица. Это все, что осталось после оспы, – чуть слышно всхлипнула Юлдуз.

– Выходит, в ауле тебя никто не ждет?

– Нет, – тряхнула девушка черными как смоль косами.

– Тогда забирай свою кормилицу и пошли, – решительно скомандовал казак, поднимаясь на ноги.

Только теперь Юлдуз поняла, что незнакомец высок ростом, широкоплеч и мускулист. Поджарое тело было телом воина, а шрамы, усеявшие его торс, прибавляли ему суровой привлекательности.

– Куда пошли? – растерялась Юлдуз.

– В станицу. Женой моей будешь, – коротко пояснил казак и, взяв девушку за руку, легко вздернул ее на ноги.

– Но ведь ты христианин, – пролепетала девушка.

– И что? Ты сирота. Значит, можешь сама за себя решить, принимать веру мужа или нет. А мне в доме хозяйка нужна. Не бойся. Ваши черкешенки уже не раз за казаков замуж выходили. Особенно полонянки. Среди наших женок и турчанки есть, и татарки, и все в церкву

ходят. Так что никого мы не удивим. А если тебе легче будет, считай, что я тебя в полон взял, – улыбнулся Григорий, и Юлдуз робко улыбнулась в ответ, растерянно кивнув.

Спорить с этим странным казаком она не решилась. Ведь помнила, как молила Всевышнего послать ей защитника. Мужа, что станет ей опорой и отцом ее детей, хоть и понимала, что никто из соплеменников не позарится на сироту, все приданое которой можно унести в крошечном узелке. Отвязав козу, она покорно последовала за ним, передав свою судьбу в руки Всевышнего.

* * *

Князь Воронцов-Ухтомский оглянулся через плечо и, спрятав улыбку в тонких, аккуратно подстриженных усах, с довольным видом откинулся на спинку сиденья. Два улана из сотни стражи, любезно предоставленные ему в охрану, глотали пыль, поднятую его автомобилем. Детище господина Бенца резво катило в предгорья, увозя князя и его семью на пикник.

Направляясь в Ессентуки, на воды, он и предположить не мог, что в этом благословенном, курортном краю могут кипеть такие страсти. Все началось с того, что ему прямо на вокзале сообщили о пронесшейся по этим краям эпидемии брюшного тифа, выкосившего почти треть населения. В Екатеринодаре генерал-губернатор, которого князь был вынужден почтить своим присутствием, чтобы засвидетельствовать почтение к властям, кривясь, вздыхая и поминутно утирая лицо большим клетчатым платком, поведал о появившихся в предгорьях бандах абреков.

Но, не желая портить отдых столь значительной особе, генерал-губернатор тут же выписал князю грозную бумагу, в которой приказывал всем чиновникам и военным властям оказывать князю всевозможную помощь. Понимая, что на большее рассчитывать нельзя, князь вернулся в гостиницу и на следующий же день отправился дальше. Посетить местные воды ему настоятельно рекомендовал его личный врач.

С годами здоровье князя слегка пошатнулось. Сказались и бесконечные попойки с сослуживцами во время службы в гвардии, и старые раны, полученные на службе императору. Уйдя в отставку и занявшись семейным делом, князь вдруг понял, что хлеб заводчика далеко не так легок, как этого можно было ожидать. Увлечение техникой оказалось одновременно и прибыльным, и весьма затратным в плане личных сил.

Что ни говори, но бюрократия в империи оказалась очень косной и весьма охочей до мзды, если не сказать крепче. Иногда, разговаривая с очередным чиновником, князю хотелось достать револьвер и всадить пулю в его деревянный лоб. Словно сговорившись, все эти чинуши старательно затягивали любое дело, иногда доводя князя до белого каления. И только упоминание о том, что князь Воронцов-Ухтомский имеет личное право входа к императору для приватной беседы, спасало мздоимцев от немедленной расправы.

Оказаться в особых списках, отслеживаемых лично императором, было не просто опасно. Человек, чье имя оказалось на подобной бумаге, редко заканчивал свои дни дома. Их домом становилась каторга. Мастерские по изготовлению и ремонту автомобильных частей стали известны по всей Москве и Санкт-Петербургу. Первый в империи автомобиль «Руссо-Балт», а также автомобили господина Бенца и фирмы «Рено» использовались в России все шире и требовали запасных частей.

Именно их изготовлением и занялся старший брат князя, Владимир. А после его гибели от простуды дело подхватил младший Николай. Владимир, всегда увлекавшийся техникой более, чем военной службой, начал свое дело с нуля и очень скоро добился хорошего результата. Контракт с министерством обороны на ремонт и обслуживание находящихся в войсках автомобилей быстро вывел его мастерские на уровень имперской безопасности. Величина, о которой любой поставщик двора его величества может только мечтать.

И вот теперь князь с семьей, оставив дела на директора и помощников, отправился поправлять здоровье. Вскоре к нему должна была присоединиться и сестра князя. Маленькую Зою обожала вся семья, что не могло не сказаться на характере несносной девчонки. Вертя всей мужской половиной семьи, как ей вздумается, Зоя сразу после окончания пансиона была выдана замуж. Спустя два года ее муж, жуир, бонвиван и транжира, умудрившийся спустить на свои развлечения все наследство и приданое жены, умер от похабной болезни.

Как выяснилось, Зоя не заразилась от него только потому, что как женщиной он ею вообще не интересовался. Заядлый содомит, он интересовался только юными мальчиками, от одного из которых и подцепил сифилис, сведший его в могилу. Став вдовой, Зоя быстро успокоилась, честно выдержав положенный срок траура. Но потом ее стало не удержать. Открыв свой модный салон, Зоя стала одной из самых завидных невест в Москве.

Но теперь, будучи богатой и свободной, молодая вдова не спешила связать себя узами брака. Однако, прекрасно зная, чем увлекался ее покойный муж, высший свет сочувствовал веселой вдове и снисходительно относился к ее эскападам. К тому же ее салон очень быстро стал буквально местом паломничества всей золотой молодежи. Здесь можно было завести полезное знакомство, поболтать о политике и делах и просто весело провести время. К тому же сводницы и мамыши подросших девушек получили еще одну возможность присмотреться к потенциальным женихам.

Из раздумий князя вывел очередной дорожный ухаб. Авто тряхнуло так, что с Николая чуть не слетела шляпа, а скакавшая по всей машине младшая дочка едва не вывалилась на дорогу.

– Не дрова везешь! – выскочил князь, и провинившийся водитель испуганно вжал голову в плечи.

– Николя, успокойся. У нас по всей империи дороги такие, – с грустной улыбкой осадила мужа княгиня.

Только она, его ненаглядная Лиза, имела над князем такую власть. Одной улыбкой и ласковым словом она умела погасить вспышку его гнева любой силы. Водитель сбросил скорость, и автомобиль подкатил к опушке леса. Один из улан вырвался вперед, и машина покатила по его следам. Несколько поворотов, и водитель выжал тормоз, останавливая машину на живописной поляне, у берега ручья. Оглядевшись, Лиза восторженно ахнула и, обняв мужа, вlepила ему страстный поцелуй, не обращая внимания на детей и прислугу.

Место и вправду было очень красивым. Изумрудные заросли, хрустальный ручей и ровная, словно подстриженная трава вокруг. Выбравшись из машины, князь с улыбкой потянулся и, жестом подозвав одного из улан, негромко скомандовал:

– Отдыхайте, ребята. Городничий боится, что такая поездка может оказаться опасной и нас могут ограбить. Но я в это не верю. По докладкам в Петербурге, горцев давно уже замирили, а банды стараются держаться от городов подальше. Но раз уж вы тут, то присматривайте вокруг. Мало ли что. И не беспокойтесь. За службу отблагодарю.

– Премного вами довольны, ваше сиятельство, – дружно гаркнули уланы.

Чуть улыбнувшись, князь одобрительно кивнул и направился к берегу ручья, где лакей уже начал раскладывать корзины для пикника. Дочери князя, получив, наконец, свободу, с восторженным визгом носились по поляне, гоняя стрекоз и бабочек. Водитель, чуя свою вину, незаметной тенью перебрался к передку автомобиля и, подняв шторку моторного отсека, по пояс влез туда, делая вид, что что-то там проверяет.

Уланы, стреножив коней, перебрались в сторону, под кусты и, рассевшись на траве, заметно расслабились. Один даже скинул высокие кавалерийские сапоги и забросил портянки на куст, просохнуть. Князь, вспомнив собственное повеление им отдыхать, сделал вид, что не замечает такого вопиющего нарушения несения службы. Как-никак их отправили с ним для

обеспечения безопасности княжеской семьи, но в нападение бандитов князь действительно не верил. Слишком близко был город и стоящие в нем войска, и слишком далеко горские аулы.

Спустя два часа, когда продукты были съедены, вино выпито, а все устали от впечатлений, князь велел собираться домой. Уланы, быстро свернув тряпицу, на которой была разложена их нехитрая снедь, обулись и принялись подтягивать подпруги своих коней. Водитель, захлопнув шторку моторного отсека, полез за руль, а лакей принялся ловко собирать грязную посуду. День прошел просто великолепно, а на вечер у разрумянившейся Лизы явно были далеко идущие планы.

Это князь понял по ее многозначительным взглядам и сверкающим глазам. А еще она очень нежно касалась его руки своей крошечной ладошкой. От всех этих едва заметных знаков у него на загривке шерсть вставала дыбом, словно у бойцового пса, а по жилам разливался жидкий огонь. Давненько с ним такого не было, а они женаты уже более десяти лет. Трое дочерей, а поди ж ты, кровь играет при одном взгляде на жену, как в юности.

Задумавшийся князь не сразу понял, что произошло. Из розовых грез его вырвал грохот, дикое ржание перепуганных лошадей и крик боли, издаваемый лакеем. Вздвигнув, князь вскочил на ноги, выхватывая из кармана прихваченный на всякий случай «бульдог». Пять выстрелов, но для хорошего стрелка это совсем не мало. Пригнув жену к земле, князь быстро осмотрелся и похолодел.

Случилось именно то, во что он не хотел верить. На них напали. Оба уланы были ранены и выбыли из боя. Лакей, очевидно, был легко ранен, потому как продолжал с воплями кататься по земле. Испуганные Лиза и девочки присели за автомобилем, пытаясь понять, что происходит. Водитель, не растерявшись, выхватил револьвер и принялся палить по кустам. Выругавшись, князь отступил к машине и в полный голос рявкнул, перекрывая грохот «смит-вессона»:

– Прекрати палить, болван! Только патроны даром переводишь.

Словно в ответ на его слова из кустов раздался выстрел штуцера, и водитель, взвывая, схватился за левую руку. Присев на корточки, он привалился к дверце машины и принялся лихорадочно перезаряжать оружие, зажав ствол револьвера между колен. Раздалось еще два выстрела, и на поляну выскочили четверо. Разглядев однозарядные штуцеры, князь незаметно перевел дух.

Перезарядить такое оружие быстро было невозможно, но у абреков князь увидел и несколько дульнозарядных пистолетов. Оружие старое, но от этого не менее убойное. Особенно если держащие его руки не кривые. А таковые в горах долго не живут. Спрятавшись за машиной, князь старательно прицелился и спустил курок. Шедший с краю абрек вскрикнул и повалился на траву. Оставшиеся трое дружно выстрелили в ответ, разрядив сразу три пистолета. Осталось еще три, и пара пистолетов у лежащего.

Отставной офицер произвел эти подсчеты автоматически, выцеливая следующего противника. Но оставшаяся троица не собиралась изображать из себя мишени. Убедившись, что добыча оказалась с зубами, они ловко рассыпались в стороны и начали обходить машину. Скрипнув зубами, князь повернулся к семье и, сделав жене страшные глаза, приказал:

– Лезьте под машину и не высовывайтесь.

Больше всего сейчас он хотел спасти семью. Даже ценой собственной жизни.

– Эй, урус! – раздалось вдруг. – Брось пистолет и выходи. Жив будешь. И женщина твоя жить будет. И дети. Семья деньги заплатит, и отпустим. Будешь стрелять, убьем тебя. А потом и жену твою и твоих дочерей молодым воинам отдадим.

Князь скрипнул зубами и, высунувшись из-за машины, выстрелил на голос. В ответ тоже выстрелили. Тяжелая круглая пуля пробила борт автомобиля и с визгом ушла в рикошет. Сумевший, наконец, зарядить свой револьвер водитель приподнялся и выпустил две пули через кузов машины.

– В последний раз говорю, не трать патроны попусту, – зашипел князь.

– Так а что делать-то, ваше сиятельство. Вон они, басурмане, уже близко совсем. Я рассмотреть успел, когда вскакивал, – горячечно зашептал водитель.

– Вот и смотри, когда подберутся и вставать начнут. Ползком в атаку не ходят. К тому же это не солдаты, а бандиты. Им долго на пузе ползать гонор не позволит. Вот как начнут подниматься, тогда и пали.

Кивнув, водитель быстро переполз к переднему бамперу и, привстав на колено, принялся водить стволом револьвера из стороны в сторону.

– Не трус, но как боевая единица полный ноль, – скривился про себя князь, переламывая свой револьвер.

Пока абреки подбирались к машине, нужно было успеть перезарядить оружие. Но едва только он успел вложить в камору один патрон, как буквально в десяти шагах от машины в полный рост поднялась фигура одного из нападавших и с отчаянным ревом кинулась в атаку, размахивая кинжалом.

«Лежа перезаряжать побоялись или не умеют», – мелькнула мысль, и князь одним движением соединил ствольную раму с рукоятью. Но взвести курок он не успел. Налетевший словно ураган бандит взмахнул кинжалом, целя ему в горло. Упав на бок, князь откатился в сторону, пытаясь выиграть расстояние и время, чтобы привести оружие к бою. Но абрек продолжал наседавать. Катаясь по траве, князь пытался ногой ударить противника в колено, чтобы или заставить отступить, или, если сильно повезет, сбить его с ног, а потом попробовать добраться до горла.

Револьвер, делая очередной пережат, он умудрился выронить, и теперь крыл себя последними словами за такую глупость. От машины слышались выстрелы. Водитель не сбежал, а продолжал защищать себя и княжескую семью. Внезапно наседавший на князя бандит выгнулся и захрипел, словно запаленная лошадь. Вскочив на ноги, князь быстро огляделся и только растерянно хлопнул глазами.

Два наседавших на водителя бандита, хрипя и суча ногами, свернулись на траве клубками, а третий, стоя на коленях, тянулся рукой за спину, пытаясь дотянуться до торчащего из спины ножа. Посреди поляны, плавно раскручивая в руке нагайку, стоял юноша, почти мальчик. Но едва заглянув ему в глаза, князь испуганно отшатнулся. Это были глаза хищного зверя. Шагнув к бандиту с ножом в спине, паренек взмахнул нагайкой, и ее кончик, свистнув в воздухе, ударил абрека прямо в горло. Содрогнувшись всем телом, тот медленно повалился ничком.

– Сколько их было? – повернулся парень к князю.

– Четверо, – растерянно прохрипел тот.

– Выходит, все тут, – кивнул казачок и, одним стремительным движением свернув нагайку, сунул ее за пояс на спину.

Потом, подойдя к абреку, он одним движением выдернул из трупа свой нож и, отерев его об одежду убитого, убрал клинок за голенище короткого сапога. Не обращая внимания на княжескую семью, парень быстрым шагом направился в сторону улан. Заинтригованный князь последовал за ним. Как оказалось, оба солдата были ранены, но в сознании. Ловко разорвав на полосы их нижние рубахи, парень наложил на раны повязки и, сунув одному из улан флягу с водой, велел:

– Пейте больше. Крови много вытекло. До доктора придется самим ехать.

И не обращая внимания на благодарные слова, перешел к лакею. Тот весь бой пролежал в траве, тихо подвывая от боли и страха. Бесцеремонно разорвав на нем рубаху, парень осмотрел рану и, усмехнувшись, буркнул, ловко бинтуя его:

– Шо ты хнычешь, как то дите? Это ж просто царапина. Через седмицу и вспоминать про нее забудешь.

– А ты прям дохтур, – вызверился лакей. – Тебе-то откель знать, что там царапина? Кро-
вищи-то вон сколько.

– Откель знать? – усмехнулся парень. – А оттель, шо меня не токма убивать, но и лечить
учили.

Певучая речь парня ясно показала, что паренек этот из местных казаков. Только здесь,
в предгорьях Кавказа, так говорили. Мягко, певуче, вставляя в разговор слова из тюркских и
горских языков. Наконец, покончив с перевязкой, он подошел к водителю и, одним ловким
движением отобрав у него револьвер, приказал:

– Плечо покажи.

– Кость вроде целая. Но крови много, – ответил водитель, поворачиваясь к нему боком.

– Все равно перевязать надо. Рана открытая, попадет какая гадость, загнить может, –
ответил парень, накладывая повязку.

– Кто вы, юноша? – спросил князь, дождавшись окончания перевязки.

– Григорий Серко. Казак, – представился парень, и князь механически отметил серебря-
ную серьгу в его левом ухе.

– Очень приятно. Князь Воронцов-Ухтомский, Николай Степанович. Должен поблагода-
рить вас за наше спасение. Позвольте узнать, чем вы занимаетесь?

* * *

Он очнулся рывком, словно вынырнул из глубины. И тут же все тело начало ломить.
Болело всё. Голова, ноги, руки, крутило нутро, и даже словно глаза сейчас из башки выпрыгнут.
Кое-как проморгавшись, Гриша со стоном приподнял голову и огляделся. Вроде хата его, а вот
в хате... осмотревшись еще раз, парень вдруг понял, что в хате было пусто. Так пусто, словно
вся семья разом собралась и уехала. Но это не так.

Он отлично помнил, как сначала заболела младшенькая Настена. Отец заложил телегу и
повез ее в город. Оттуда он вернулся уже один. Но к его возвращению больны были уже обе
старшенькие сестры-погодки. Их даже увезти не успели. Сгорели обе за полторы седмицы. Но
к тому времени Гришка уже знал, что в станице полыхнул мор. Тиф уносил людей десятками.
За два месяца большое село превратилось в погост.

Посылали гонца в Екатеринодар, к властям, чтобы прислали докторов, но вместо врачей
пришли солдаты. Станицу оцепили, и всем жителям запретили выезжать. Станичники взялись
было за оружие. Уж кому-кому, а родовым казакам разнести по кустам «серую скотинку» как
воды попить. Ночью бы всех вырезали, никто б и не пикнул. Но атаман и казачий круг поре-
шили, что воевать со своими, православными, нельзя. Прав был генерал-губернатор. Ежели
мор за станицу вырвется, быть беде.

Порешили, что все знахари да травники будут народ лечить. Кто как сможет. А в итоге
станция опустела. Схоронив сестер, слегла и мать. А следом за ней и сам Григорий. Только отец
еще каким-то чудом держался, словно болезнь обходила его стороной, заставляя до дна испить
чашу потерь. Что было с ним после начала болезни, Гриша не помнил. И вот теперь, кое-как
усевшись на широкой лавке, служившей ему постелью, пытался понять, чем все закончилось
и где родители.

Пить хотелось неимоверно. Поднявшись на дрожащие от слабости ноги, Гриша доковы-
лял до дверей и, выбравшись на улицу, скривился от боли в заслезившихся глазах. С трудом
проморгавшись, он сполз с крыльца и оглядел подворье. Ворота в хлев открыты. Осторожно
заглянув вовнутрь, парень убедился в своих предположениях. Волон, свиней и коровы не было.
Коня с кобылой в конюшне тоже не нашлось. А на заднем дворе, в загоне, одиноко бродила
пара курей.

– Выходит, батя успел все продать, чтобы нас лечить, – прохрипел Гриша и, почесав в затылке, побрел к колодцу.

Пить с каждым шагом хотелось все сильнее. С грехом пополам достав из колодца треть ведра воды, парень напился и, ополоснув лицо, поплелся к крыльцу. Кряхтя, словно старый дед, он уселся на завалинку и, подставив физиономию солнечным лучам, принялся размышлять, что делать дальше. Оставаться в станице было нельзя. Хозяйство порушено, скотины нет, да и соседи, по всему видать, кто не на погосте, сбежал. Остается одно. Набраться сил, как следует осмотреть остатки хозяйства и уходить в город.

Там можно будет в услужение наняться. Хоть и соромно это. Казак и в лакеи, да делать нечего. Жить ведь как-то надо. Работы Гриша не боялся. Уж конюхом он всегда служить сможет. В лошадях парень разбирался, лечить тоже умел. Да и лошади всегда отвечали ему любовью и верной службой. Но сначала нужно до погоста добраться. Что стало с матерью, он так и не знал. Поднявшись с завалинки, Григорий проковылял в дом и, пошарив на полках, достал дедовы запасы.

Старый казак травы знал так, что к нему из города на лечение ездили. А уж станичники завсегда только к нему и шли. От многих болезней дед лечить умел. И кости правил, и простуду гнал, и даже роды принимал изредка. Звали его к роженице, если плод неправильно шел. А так и старая повитуха справлялась. Казачки бабы крепкие. Могли и в поле мужей заменить, и врага отбить, если казаки в походе, а горцы к станице подошли, и детей рожали легко, словно играючи.

Именно это больше всего удивляло Гришу. Однажды, не удержавшись, он спросил у деда, отчего так. Усмехнувшись, старый казак подкрутил седой ус и, вздохнув, ответил коротко. Мол, главное дело, господом женщине даденное, это род человеческий продолжить. И если сподобил ее господь ребятенка зачать, то на свет его привести счастье есть большое. Оттого и радуются бабы, когда ребенок нормально рождается. А что до сложностей иной раз, так то грехи человечьи виной.

Тряхнув смоляным чубом, парень отогнал воспоминания и, развязав тряпицу, поднес травяной сбор к лицу. Вдохнув смесь запахов, он чуть улыбнулся и, положив узелок на лавку, снова поплелся во двор. Тело ломило, в глазах двоилось, а от слабости то и дело подташнивало, но он упрямо заставлял себя двигаться. Старая дедова присказка – пока шевелишься, живешь, заставляла его делать все необходимое на одной силе воли.

Что называется, на зубах вытащив из колодца ведро воды, он оттащил чугунок к летней кухне и, присев прямо на землю, принялся растапливать печь. Благо хоть дрова со двора никуда не делись. Заварив травяной сбор, он отставил его к стене, настаиваться, а сам вернулся на завалинку. Все увиденное вокруг наводило на грустные мысли, но еще больше возникало вопросов.

Если в станице все умерли, то почему окружавшие ее войска не сожгли дома, чтобы уничтожить заразу? А если войска знали, что в станице мор, то почему не обыскали дома, в поисках хоть кого-то выжившего? И как он сам умудрился выжить, если за ним некому было ухаживать? Гриша крутил эти и еще два десятка других вопросов в голове так и эдак, но ничего умного так и не придумал. В очередной раз вздохнув, он покосился на чугунок с отваром и, посмотрев на тень от колодезного журавля, со стоном поднялся.

Нужно было как можно быстрее привести тело в порядок. Мало просто выздороветь после смертельной болезни. Нужно еще и выжить. С этими мыслями парень аккуратно процедил отвар через чистую тряпицу и, приняв к полученному настою, грустно усмехнулся. Сумел-таки дед приучить юного неслуха к порядку и заставить его выучить нужные травы. Хоть и гуляла по внуковой спине дедова нагайка, а своего старый добился. Отварами Гриша мог и коня выходить, и человека вылечить.

Не всему, конечно, дед его обучить успел. Оборвала жизнь старого казака разбойничья пуля, но многое Гриша успел узнать. Многое, кроме главного. Бывало иной раз, что накатывало что-то на юного казака, и начинал он такие вещи говорить, что находившиеся рядом только удивленно кричали и смущенно отступали в сторону. Сам Гриша не всегда понимал, что говорил, но дед только внимательно слушал и одобрительно хлопал по плечу. От такой ласки Гриша, бывало, приседал, но в душе плескалось ликование. Ему верили, а значит, такие наваждения можно перетерпеть.

Не спеша выпив отвар, парень прикрыл глаза и прислушался к собственному телу. Голова стала ясной, а в животе разливалось приятное тепло. И вместе с тем сильно захотелось есть. Усмехнувшись, Гриша открыл глаза и, осторожно потянувшись, проворчал:

– Раз есть хочется, значит, оживаю. Вот только чего жрать-то будем?

Вспомнив про увиденных курей, Гриша хлопнул себя ладонью по лбу и, развернувшись, отправился на задний двор. Поймать одну из двух случайно оставшихся кур удалось только благодаря упрямству и все усиливающемуся чувству голода. Привычно срубив пойманной пеструшке голову топором, Гриша дождался, когда стечет кровь и, вернувшись к печи, сунул тушку в горячую воду, оставшуюся от травяного отвара.

Ловко ощипав птицу и разрубив тушку, парень кинул все в чугунок и, залив водой, поставил на печь. Достав из ларя пару горстей муки и набрав в огороде овощей, он вернулся к печи и принялся осторожно снимать с закипевшего бульона пену. Потом, замесив немного теста, он испек пресные лепешки, а спустя два часа с удовольствием хлебал наваристую шурпу. Наевшись, Гриша едва успел добраться до своей лавки и уснул едва ли не раньше, чем голова коснулась подушки.

Проснулся он не от привычного петушиного ора, а от птичьего гомона под окном. Поднявшись, парень вышел на крыльцо и, осмотревшись, задумчиво хмыкнул. Болезнь болезнью, а проснулся он, как давно привык. С первыми петухами. Скинув рубаху, Гриша достал из колодца воду и, умывшись, с уханьем вылил остатки на себя. Тело, съжившееся от ледяной воды, разом проснулось и ожило. Только теперь Григорий понял, что действительно умудрился выжить.

Растеревшись расшитым матерью рушником, Гриша вернулся в дом. Достав из чугунка кусок вареной курицы и оставшийся с вечера кусок лепешки, он моментально проглотил скудный завтрак и, задумчиво оглядываясь вокруг, вздрогнул. На столе, прямо посередине, лежал отцовский кошель, а под ним четвертушка бумаги. Рядом отцова нагайка и дедов кинжал, работы кубачинских мастеров. В семье Серко грамоту всегда ценили, и потому все дети, независимо от пола, обязательно учились грамоте. Так повелось еще от прапрадеда. Так было и теперь.

Дрожащей рукой, вытянув из-под кошеля бумагу, Гриша развернул ее и, усевшись на лавку под окном, принялся читать.

Здравствуй, сынок мой Григорий. Если уж читаешь ты письмо сие, выходит, смилоствился над тобой Господь и род казачий не прервется. Сей день – последний для меня. Я это знаю. Как и ты ведаешь, что в роду нашем всегда знали, когда кончина придет. Оставляю тебе всю казну, что сумел собрать. Теперь это все твое. Думаю, ума тебе хватит не тратить все сразу, а жить так, чтобы денег хватило до того времени, когда найдешь, чем самому жить. Из станицы уходи. После мора место это для жизни негодно. Живи отныне своим умом, сын. Найди себе дело по душе и семью заведи. Помни, род казачий прерваться не должен. Похоронил я всех на погосте, где весь род наш лежит. Там и сам лягу. Прости, больше писать не могу. В глазах темнеет. Сил почти не осталось. Если сможешь, дойди до погоста и засыпь могилку мою. Храни тебя Христос, сынок. Твой отец.

Капля упала на записку и медленно покатилась по бумаге, впитываясь в нее. Всхлипнув, Гриша утер слезы, стекавшие по щекам, потом бережно сложил записку и, положив на стол, потянул к себе кошель. Осторожно распустив завязку, он высыпал содержимое кошель на стол и удивленно покачал головой. В горсти монет почти не было меди. Пять золотых червонцев, три десятка серебряных пятирублевиков и восемь десятков серебряных же рублей. Медью было всего три рубля. Их-то он и отодвинул в сторону, решительно ссыпав остальное в кошель. Это было настоящее богатство, с которым можно было не бояться голодной смерти.

Откинувшись на стену, Гриша задумался. Выходит, его мысли об уходе в город были правильными, если, даже умирая, отец сумел сообщить эту идею сыну. Значит, нужно как можно быстрее набираться сил, собирать все, что может потребоваться в дороге, и уходить. Но сначала исполнить последнюю отцову просьбу. И сделать это надо прямо сейчас. Поднявшись, Гриша сходил в сарай, взял лопату и, закинув ее на плечо, решительно зашагал к церкви.

От пращуров казаки хоронили усопших на святой земле. Войдя в ограду, Гриша шагнул было к кладбищу, но что-то заставило его остановиться. Двери большой деревянной церкви были открыты, но внутри, как и вокруг, стояла тишина, нарушаемая только посвистом ветерка в листве и щебетом птиц. Отставив лопату, Гриша поднялся на ступени церковного крыльца и осенил себя большим крестным знаменем.

Войдя вовнутрь, он медленно подошел к иконе Георгия-Победоносца и, остановившись, замер. Мыслей не было. Даже знакомые с раннего детства слова молитвы не зазвучали в голове, как это было всегда. Он просто стоял и смотрел на икону, сам не понимая, что именно хочет там увидеть. Только слезы безудержно лились из медового цвета глаз. Сколько он так простоял, Гриша не знал. Но неожиданно луч света, пробившись сквозь запыленное окно, коснулся его лица, и на душе стало легко. Как будто кто-то там, наверху осенил его своей благодатью.

Перекрестившись, Гриша поклонился иконе и, развернувшись, вышел на улицу. Подобрав лопату, он обошел церковь и знакомой тропинкой направился к месту, где находились могилы всей его семьи. Медленно пройдя вдоль крестов, Гриша поклонился могилам и, добравшись до края ряда, судорожно всхлипнул. Вспомнив сказанное в записке, Гриша все понял окончательно.

Отец всегда любил их мать и даже на пороге смерти сделал так, чтобы могилы их были рядом. Еще будучи в силах, он выкопал себе могилу и, почувствовав, что умирает, пришел сюда сам. Подойдя к краю ямы, Гриша заглянул на дно и снова заплакал. Отец нашел в себе силы переодеться в чистое белье, свою лучшую черкеску и подпоясаться поясом, украшенным серебром. Именно так хоронили казака, если тело его могли доставить домой.

Не было только домовины. Сил отца не хватило на то, чтобы сколотить гроб. Он просто лег на дно ямы, накрыв лицо выбеленной холстиной. Отступив от могилы, Гриша с силой всадил штык лопаты в холм земли. Он засыпал могилу, плача и не замечая собственных слез. Насыпав холмик, парень утрамбовал его лопатой и, оглянувшись, увидел новенький крест. Даже об этом отец успел подумать, мелькнула мысль. Не было только дощечки с именем.

* * *

Утро очередного дня принесло Грише новые силы и доброе настроение. Умывшись, парень спустился в погреб, решив не тратить время на готовку. Круг колбасы, кусок сала, лук, помидоры и огурцы с огорода, что еще нужно молодому, выздоравливающему организму, чтобы почувствовать себя сильным? Поев и запив завтрак очередной порцией травяного настоя, Гриша занялся подготовкой к походу. Обшарив весь дом, он собрал пару смен белья, запасные портянки, новые сапоги, папаху, отцовскую бурку и новенькую черкеску, которую выправил ему отец перед началом мора.

Не было только огнестрельного оружия. Куда делись отцовский «смит-вессон» и трехлинейный кавалерийский карабин, Гриша так и не понял. А ведь еще был дедовский штуцер и пара кремневых пистолетов, оставшихся от прадеда. Сложив все, что собирался забрать с собой, на стол, парень с сомнением оглядел кучу добра и, мрачно покачав головой, тихо проворчал:

– Пока не окрепну, мне все это не утащить.

Говорить в голос, пусть едва слышно, он начал еще прошлым вечером. Гробовая тишина, поселившаяся в доме, пугала его. И если днем звуки с улицы еще хоть как-то разгоняли эту тишь, то вечером от нее становилось жутко. Сообразив, что после болезни еще слаб, Гриша взял со стола отцовскую нагайку и, перебирая в пальцах петли сыромятной кожи, сказал:

– Ну, подруга, выручай. Помоги сил набраться.

Это была не бредовая фраза и попытка убедить самого себя. Едва научившись крепко стоять на ногах, Гриша получил от отца маленькую плеточку, с которой и начал тренировать тело. Казачий спас. То, что стало для казаков настоящей вершиной воинского искусства. Сначала подростки учились работать нагайкой, а потом, войдя в полную силу, получали в руки пашку. Это было нечто среднее между пляской и боем с собственной тенью.

Недаром в руках опытного казака нагайка являлась таким же оружием, как кинжал или пашка. Пальцы парня коснулись кончика плети и нащупали небольшую свинцовую гирьку. Один удар таким оружием в нужное место, и противнику конец. Чуть улыбнувшись, Гриша покосился на кошель и неожиданно для себя понял замысел отца. С огнестрельным оружием в городе его сразу бы прихватила полиция. Ведь никаких бумаг у Григория не было. Лишь запись о рождении в церковной книге станицы. А нагайка для любого казака – это как борода для мужика. Почитай у каждого есть.

Выйдя во двор, Гриша скинул рубаху и, выпрямившись, закрыл глаза, припоминая каждое движение знакомого с детства танца. Потом его тело, похудевшее за время болезни так, что только ребра торчали, плавно сдвинулось с места – и в воздухе засвистела нагайка. Если бы кто-то заглянул в этот момент через тын, то увидел бы, как голый по пояс парнишка движется по утоптанному двору в странном, рваном ритме, то и дело нанося удары нагайкой невидимому противнику.

Сколько это продлилось, Григорий не знал. Он вынырнул из боевого транса с последним ударом нагайки. Ноги от слабости подгибались, руки дрожали, а грудь разрывалась от недостатка воздуха. Таким слабым Гриша себя никогда не чувствовал. Отдышавшись, он удрученно покачал головой и, облившись колодезной водой, вернулся в дом. Нужно было отдышаться, передохнуть и поесть. С момента, как он пришел в себя, чувство голода стало его постоянным спутником. А еще нужно было глотнуть травяного отвара.

Разрывая крепкими зубами очередной круг колбасы, парень вспомнил про оставшуюся курицу. Налегать сразу после болезни на мясо было неправильно, но телу требовалось топливо. Эту фразу он услышал от заезжего землемера. Именно тогда он в первый раз в жизни увидел повозку, движущуюся без лошади. Автомобиль – так называлась эта странная телега, гудевшая на всю станицу и вонявшая керосином так, что хотелось зажать нос и чихнуть.

По молодости лет Грише было интересно все новое, так что появление такого чуда он не пропустил. Испросив разрешения у землемера, он внимательно осмотрел странную повозку, очень быстро сообразив, как она поворачивает и от чего колеса крутятся. Ходивший тут же кузнец только одобрительно хмыкал, слушая высказывания паренька. А потом, зазвав Гришу в кузню, дал в руки старый кремневый пистолет, спросив:

– Посмотри внимательно. Сможешь сказать, почему не стреляет?

Гриша несколько минут крутил оружие в руках. Даже несколько раз взвел и спустил курок, отводя ствол в угол кузни. Глядя на него, кузнец только одобрительно кивал. Наконец, парень сообразил, что что-то не так со спусковой пружиной. Не было достаточного удара кре-

сала по кремню. Услышав ответ на свой вопрос, кузнец только удивленно покрутил головой и, забирая пистолет, сказал:

– Надумаешь кузнечному делу учиться, приходи. Рад буду. Есть у тебя чутье к механике.

– А ведь это мысль! – вскинулся Гриша. – Нужно будет по приходе в город походить по кузнечным и оружейным рядам. Может, кому подмастерье и нужен. Всяко лучше будет, чем простым конюхом. Но и конюхом тоже неплохо. Посмотрим, что раньше подвернется. Торопиться мне особо некуда.

С этой мыслью он доел колбасу и, поднявшись, отправился на задний двор. Отловив последнюю курицу, он сварил очередной чугунок супа и, отставив его в сторону, принялся печь лепешки. Благо муки в ларе было с избытком.

Покончив с домашними делами, Гриша снова принялся перебирать собранные вещи. Потом наступил вечер, и уставшее от непривычных нагрузок тело потребовало отдыха.

Так он прожил полторы седмицы. На десятый день, окончательно убедившись, что болезнь ушла, а тело окрепло почти до прежних статей, парень решил уходить. Дальше тянуть было нельзя. Уложив вещи в старый отцовский сидор и прихватив походную кожаную суму, в которую сложил продукты в дорогу, Гриша еще раз огляделся и с досадой хлопнул себя ладонью по лбу. А флягу-то под воду забыл! Быстро обшарив сундуки, он достал со дна самого большого дедову серебряную флягу в кожаной оплетке. Самое то, что нужно казаку в дальнем походе.

Добыл дед ее в Крымском походе, сняв с самолично убитого турецкого бея. Испокон веков казаки воевали и войной жили. Много православных голов в том походе погибло, а кто выжил, с добычей вернулись. Вот и дед с того бея кроме фляги много всякого добра снял. С того и поднялась семья. Хоть и раньше не бедствовали, а все одно с той добычи и волов прикупили, и коня. Встряхнувшись, Гриша положил флягу на стол, решив наполнить ее, уже покидая дом. Утренняя вода, хоть и из колодца, а все равно куда вкуснее и холоднее, чем набранная днем.

Едва только солнце поднялось над станицей, Гриша уже был на ногах. Закинув сидор за плечи, он повесил суму с продуктами на левый бок, а нагайку сунул за пояс. Не забыл Гриша и пару ножей, найденных в дедовом сундуке. Кованные под булат, острые, что бриться можно, и с отличным балансом, годным для метания. У колодца он наполнил флягу свежей водой и, подперев дверь отчего дома поленом, вышел со двора. Но прежде, чем отправиться в путь, парень дошел до церкви и, пройдя на погост, остановился перед могилами семьи.

Уйти, не попрощавшись, он просто не мог. Постояв, он поклонился и, перекрестившись, не оглядываясь ушел. Больше его в станице ничто не держало. Выйдя за околицу, парень остановился и, повернувшись, с грустью оглядел опустевшую станицу.

– Простите, люди добрые, если кого ненароком обидел. Земля вам пухом и царствие небесное душам вашим, – прошептал Гриша, крестясь большим крестом и кланяясь.

Шагая по дороге, он пытался найти хоть одну причину, по которой мог бы не уходить. Но завет отца гнал его вперед, к неизведанному. И если не кривить душой, то ему и самому было интересно узнать, как оно там, в городе, и что уготовила ему судьба. Два дня прошли спокойно. Он уже почти добрался до Ессентуков, когда услышал где-то в лесу выстрелы. Не раздумывая, парень сбежал с дороги и, присев под раскидистым платаном, прислушался.

Снова раздались выстрелы, и Григорий только головой покачал. Так палить мог только плохой, да еще и сильно напуганный стрелок. И если в первый раз стреляли из ружей, то в ответ звучали выстрелы из револьверов. Грохот дульнозарядного оружия трудно спутать с выстрелами из нарезного, казнозарядного ствола. Выходит, там пытаются кого-то ограбить, а этот кто-то решил сопротивляться. Похоже, у горцев подросли новые волчата и теперь пришла пора дать им попробовать крови.

– Ну, посмотрим, чему вас учили, – еле слышно проворчал парень и бесшумно скользнул в кусты.

Ориентируясь на выстрелы, он подобрался к самому краю поляны, на которой стоял большой, роскошный автомобиль, за которым и прятались жертвы нападения. Двое улан стонали, зажимая руками раны, а еще один мужик катался в траве, оглашая лес страдальческими воплями. Одна из лошадей улан тоже лежала на земле, очевидно раненная. Скинув с плеч поклажу, Гриша взял в правую руку нож, а в левую нагайку.

Нападавших было четверо, но один из них явно получил пулю и выбыл из боя. Убедившись, что горцев осталось трое и помощи им ждать неоткуда, Гриша выскользнул на поляну, бесшумно приближаясь к абрекам со спины. Не в его нынешнем состоянии вступать в открытую схватку. Тело еще не пришло в прежнюю форму. Подобравшись к бандитам на бросок ножа, парень плавно отвел руку и резким движением всадил клинок в спину самому старшему из нападавших.

Едва только нож оказался в воздухе, парень перехватил нагайку и одним стремительным движением ударил гирькой по горлу стоящего справа. Обратным движением он нанес такой же удар стоящему слева и, шагнув вперед, добил того, что был первым и теперь тянулся к вонзившемуся ему в спину ножу. Убедившись, что все четверо мертвы, Гриша сунул нагайку за пояс и, забрав свой нож, направился к уланам.

Очень скоро выяснилось, что раны у них не смертельные. Перевязав всех пострадавших людей, парень присел рядом с раненой лошадей и, осмотрев ее рану, только удрученно покачал головой.

– Что, плохо? – хрипло спросил один из солдат.

– Пуля легкое пробила. Не выходишь, – мотнул парень смоляным чубом.

– Эх, Муха, – вздохнул улан, опускаясь на колени рядом с парнем.

Заметив у него на поясе пистолет, Гриша одним плавным движением выхватил оружие и, взведя курок, приложил ствол к уху лошади.

– Прости, милая. Уж тебя-то без вины сгубили, – прошептал Гриша, прикрывая ей глаз ладонью и спуская курок. – Сними седло и сбрую. А я пока по следам пробегусь, – добавил он, возвращая пистолет владельцу.

Но не успел он сделать и двух шагов, как дорожку ему заступил высокий, широкоплечий господин, и, чуть улыбаясь, спросил:

– Кто вы, юноша?

– Григорий Серко. Казак, – представился парень.

– Очень приятно. Князь Воронцов-Ухтомский, Николай Степанович. Должен поблагодарить вас за наше спасение. Позвольте узнать, чем вы занимаетесь?

– В город шел. Работу искать. В станице после мора никого не осталось. Из всей семьи я один выжил, – коротко описал свои приключения парень, не видя смысла что-то скрывать.

– Вот как? И что же вы умеете? – не унимался князь.

– Все, что любой казак умеет, и еще немножко, – пожал Гриша плечами. – Но если уж вам так сильно интересно, то может, в городе поговорим? Остаться тут после нападения не самая умная затея.

– Пожалуй, вы правы, юноша, – смутился князь и отступил в сторону, давая ему возможность пройти.

Но не успел Гриша отойти, как от машины к князю со всех ног кинулась девчушка лет пяти и с криком:

– Папа, папа, там кровь, – вцепилась ручонками в княжескую руку.

Сам не особо понимая, что делает, Гриша присел рядом с ребенком и, осторожно положив ей ладонь на лоб, прошептал, аккуратно нажимая большим пальцем между бровями девочки:

– Тихо, маленькая. Все хорошо. Это не страшно. Поспи. А когда проснешься, все уже забудется.

Большие васильковые глаза девочки закрылись, и она начала плавно оседать на траву. Подхватив ребенка на руки, парень осторожно передал ее отцу, со смущенной улыбкой пояснив:

– Батя мой сестренкам малым так всегда делал, если они чего напугаются. К закату проснется и будет спокойна.

– Однако... – только и смог произнести князь, глядя на дочь.

Быстро пробежав по следам, Гриша нашел место, где абреки спешили, и, забрав четырех коней, повел их к поляне. Добыча есть добыча. То, как ловко он разобрался в следах, удивило всех. Оставшийся без лошади улан, увидев коней, восторженно ахнул:

– Никак аргамак?!

– Полукровка, – тряхнул парень головой. – Но все равно добрая лошадь.

Все наблюдавшие за этой картиной вдруг поняли, что в устах юного казака это была лучшая похвала.

* * *

То и дело оглядываясь через плечо, Николай Степанович прокручивал в голове события последнего часа. Сам бой он старался не вспоминать. Стыдно было. Он, в прошлом офицер, позволил себе игнорировать прямые указания человека, знавшего обстановку в губернии не понаслышке. В итоге утеряна казенная лошадь, ранены оба сопровождающих и собственные слуги. А самое главное, едва не пострадали его любимые девочки.

Князь хоть и мечтал о наследнике, но в дочерях души не чаял, балуя их безмерно и потакая любым капризам. Сердиться и ругать их за проказы было выше его сил. Единственное, что он мог заставить себя сделать, так это не вмешиваться в процесс воспитания, если наказание дочерям следовало от Лизы или нянек. В подобных случаях он предпочитал внимательно выслушать жалобы девочек и, жалея их, порадовать каким-нибудь подарком.

И вот теперь его девочки едва не стали добычей бандитов. Дикарей, едва научившихся пользоваться огнестрельным оружием. Да что там говорить. Этот юный казак умудрился расправиться с тремя нападавшими одной нагайкой и ножом. Можно сказать, голыми руками. Хотя, если вспомнить, как этот странный юноша двигается, как смотрит и как равнодушно убивает, возникает мысль, а так ли он юн и прост, как кажется на первый взгляд?

Еще раз оглянувшись, князь отметил про себя ловкую, с виду небрежную посадку парня в седле трофейного коня и, качнув головой, повернулся к жене, почувствовав ее настороженный взгляд.

– Все в порядке, Лизонька, – улыбнулся Николай Степанович, пытаясь успокоить ее.

– Я знаю, – робкая улыбка едва коснулась губ жены. – Просто я заметила, что ты очень внимательно за ним наблюдаешь.

– Давно не видел такой уверенной посадки в седле, – нашелся князь.

– Юный кентавр, – тихо рассмеялась Лиза. – Я тоже заметила. Такое впечатление, что он сел в седло раньше, чем начал ходить.

– Сел? Да он в него взлетает, не касаясь стремян, – пожал князь плечами, стараясь при этом не побеспокоить спящую дочку.

– Да уж, ловок. Что собираешься делать? – сменила тему княгиня.

– Похоже, у тебя уже появились какие-то мысли на эту тему?

– Именно, – решительно кивнула Лиза. – Скрыть нападение или замять как-то шум от этого дела не получится. Слишком много раненых. А если он еще и добычу пойдет на базар продавать, точно без слухов не обойдется.

– Согласен, – кивнул князь, внимательно слушая супругу. В житейских вопросах она была не по годам мудра и рассудительна.

– Значит, нужно выкупить у него коней и, кстати, одного отдать улану, у которого убили лошадь. Потом наградить солдат и походатайствовать перед их начальством о награждении. Мол, хоть и раненые, а все равно пытались нас защищать. Ну и наконец, забрать этого паренька с собой. В Петербург.

– Зачем? – растерялся Николай Степанович от такого решения.

– Станет нашим девочкам телохранителем, – решительно заявила Лиза.

– Телохранителем?! Зачем? Что им может угрожать в нашем доме или имении?

– Николя, ты забываешь, как тебе уже пытались устроить неприятности в мастерских. В таких делах я предпочитаю переборщить, чем потом рвать волосы и выть, что предполагала, но не стала принимать меры.

Сказано это было таким тоном, что князь только растерянно покачал головой. Если Лиза что-то ТАК сказала, то лучший выход – это выполнить ее просьбу. Эту истину князь постиг еще на заре их семейной жизни.

– Не стану спорить, милая, но не могу не спросить. Почему именно он? Ведь ты отлично знаешь, что мы в состоянии нанять частных детективов, которые и занимаются обеспечением охраны. Почему этот мальчишка?

– Да, милый, он еще мальчишка. Но каждый раз глядя на него, я вижу юношу, способного играючи опозорить всех тех профессионалов, о которых ты только что упомянул. Мы ничего о нем не знаем, но у меня сложилось стойкое убеждение, что если как следует копнуть, то мы узнаем об этом мальчике много интересного. Просто вспомни, с какой гордостью он тебе представился. Словно его имя должно сказать тебе не меньше, чем графский титул.

– Пожалуй, стоит навести о нем в городе справки, – подумав, кивнул князь. – И ты права. Он действительно гордится своей фамилией. Займись этим завтра же.

За разговором они и не заметили, как автомобиль вкатился на окраину города. Сообразив, что пора принимать решения, князь наклонился вперед и, окликнув водителя, приказал:

– Ермолай, сначала едем на подворье. А потом отвезешь улан в казармы.

Они сняли дом у вдовы купца, так что в распоряжении княжеской четы были и сад, и конюшни, и добротный сарай, куда водитель загонял на ночь машину. Кавалькада из пяти коней последовала за автомобилем. Спустя еще четверть часа они въехали во двор. Едва выбравшись из машины, князь отправил слугу за доктором и, передав спящую дочь няньке, принялся распоряжаться. Дождавшись, когда казак привяжет коней у коновязи, он жестом подозвал его к себе и с ходу спросил:

– Сколько вы хотите за свою добычу?

– Кони молодые, к тому же не кованые. Зато здоровые. Но серьезно тут только полукровка стоит, – задумчиво протянул юноша, явно не ожидавший такого вопроса.

– За троих по сорока рублей на ассигнации смело просить можно. А вот полукровку и за сто двадцать с руками оторвут, – вступил в разговор улан, оставшийся без лошади.

– Торговаться не стану. Не барышник, – отрезал князь. – За троих по пятьдесят, а за этого красавца еще сто пятьдесят. С уздой и седлами. Итого триста рублей ассигнациями. По рукам?

– Согласен, – решительно кивнул юноша.

– Эх, – с досадой выдохнул улан, который явно присматривал одного из коней для себя.

– Вы по моей вине остались без лошади, – повернулся к нему князь. – Выбирайте себе любого из тех трех.

– Ваше сиятельство, да я ж с вами по гроб жизни не расплачусь, – растерянно пролепетал солдат.

– Это мой подарок. За смелость. Это по моей вине вы без лошади остались, мне и платить. А еще по три рубля на пропой каждому. Премия.

– Спаси Христос, ваше сиятельство, – кособоко от ранения поклонился улан и поспешил к лошадям.

– Буланого бери, – посоветовал казак, снимая с коней переметные сумы и свои вещи. – С виду неказистый, но спокойный, выносливый и быстрый. А главное, здоров.

Внимательно выслушав совет, улан ловко осмотрел коня и, одобрительно кивнув, отвел его в сторону. Николай Степанович наблюдал за парнем, мысленно удивляясь, как легко, словно так оно и должно быть, казачок заставляет подчиняться себе самых разных людей. Еще одной загадкой для него стал способ, которым обыватели умудряются узнать последние новости. Особенно если они не очень хорошие. Не успел приехавший доктор заняться ранами солдат, как во дворе появились комендант гарнизона Ессентуков и полицмейстер города.

Но если коменданта интересовали его подчиненные и он доставал вопросами врача, то полицмейстер попытался насесть на казака и самого князя. Заметив, как опасно сузились глаза паренька, Николай Степанович отозвал полицмейстера в сторону и, предъявив ему грозную бумагу от самого генерал-губернатора, задал вопрос, что называется, в лоб:

– Чего вы добиваетесь, милостивый государь? Парень спас меня и мою семью от плена, а возможно, чего и похуже. Хотите сделать его в этой истории крайним?

Не ожидавший такого кунштюка полицмейстер растерянно крикнул и принялся утирать лицо платком, собираясь с мыслями. Что ни говори, а предъявленная ему бумага ясно говорила, с таким свяжись, и костей не соберешь. Наконец, решившись, он вздохнул и, убирая платок в карман, ответил:

– Признаться, князь, это был бы лучший выход для всех. Горцы объявят кровную месть, и спокойным временам придет конец. А мы сейчас не в том состоянии, чтобы снова ввязываться в долгую войну. А месть они объявят. Особенно если не смогут вернуть тела своих погибших. Так что было бы лучше обойтись малой кровью.

– Вы в своем уме, любезнейший? – прошипел князь, и в голосе его лязгнул металл.

– Вы не знаете местных реалий, ваше сиятельство, – огрызнулся полицмейстер.

– Зато я знаю, что императорская гвардия своих не выдает. А еще я знаю, что борьба с бандами – это ваша прямая обязанность. И еще. Князя Воронцовы-Ухтомские никогда ни у кого в должниках не ходили. И закрывать свои долги подобным образом есть урон дворянской чести.

Не найдя, что ответить, полицмейстер крикнул и, покачав головой, спросил:

– Вы позволите мне допросить его?

– В моем присутствии, – жестко отрезал князь.

– Как пожелаете, – сдался полицмейстер и направился к сидевшему у коновязи юноше.

– Ты их хорошо рассмотрел? – начал он, едва подойдя к парню.

– Да.

– Какие-нибудь родовые знаки или гербы на телах или вещах были?

– Нет, – подумав, качнул Григорий головой. – Это вообще не набег был.

– А что тогда?

– По всему видать, дядька молодых воинов в поле вывел, чтобы дать пороху понюхать и крови попробовать. Что кони, что сбруя, что оружие, все без клановых знаков. Да и собрано словно с бору по сосенке. Они потому и проиграли, что первый бой был. Стреляли куда попало, а не туда, куда надо. Прицельных выстрелов было всего четыре. По солдатам да вторым залпом, по машине, когда водителя и лакея ранили. А уж когда князь с водителем отстреливаться начали, совсем растерялись, – решительно высказался парень, и полицмейстер только удивленно покосился на князя.

– Это как же ты все это понял? – спросил он, дождавшись утвердительного кивка от князя.

– А я по пальбе их и нашел, – пожал парень плечами. – А уж то, что я смог им за спину зайти, само все рассказало.

– А ты что, из пластунов? – уточнил полицмейстер, рассматривая его нагайку.

– Батя пластуном был. А я так, недоучка, – вздохнул парень.

– Ясно, – буркнул полицмейстер, хотя ничего ясного тут не было. – Ладно, посмотрим, что дальше будет. Что собираешься с оружием делать?

– Продам. Мне одному столько не надо. Да и не то это оружие, чтобы за него держаться.

– Один на базар не ходи. Соберешься продавать, сначала в полицейское отделение зайди. Я с тобой своего человека пошлю.

– Не стоит беспокоиться, ваше превосходительство, – усмехнулся князь, моментально сообразив, что тот задумал. – Сам с ним схожу. Заодно посмотрю, что у местных оружейников интересного есть, да патронов заодно прикуплю.

– Как пожелаете, – скривился полицмейстер, не сумев сдержать разочарования.

– Если у вас все, то не смею больше задерживать, ваше превосходительство. Думаю, дел вас после этого нападения прибавится.

– Это уж несомненно, – мрачно протянул полицмейстер и, слегка поклонившись, направился к воротам.

– Дам вам один совет, друг мой, – повернулся князь к юноше, дождавшись, когда тучная фигура скроется за поворотом. – В ближайшую неделю этого двора лучше не покидайте. Во всяком случае, один. Не нравится мне этот служака.

– Да мне, кроме базара, больше и идти тут некуда, – грустно вздохнул парень.

– Не переживайте, юноша. Вы спасли меня и моих девочек от смерти или чего еще похуже. Так что отныне принять участие в вашей дальнейшей судьбе я считаю своим долгом.

– На службу возьмете? – с интересом спросил парень.

– О службе мы еще побеседуем. А пока я предлагаю вам собрать все это добро и отправиться в отведенную вам комнату. Я приказал баню затопить. Помоемся, а за ужином все вместе и поговорим, и подумаем, как дальше быть. Думаю, кроме службы, у вас найдутся и более интересные мысли на будущее. Наверняка что-нибудь интересное да найдется. К тому же я о вас вообще ничего не знаю.

– Так спрашивайте, мне скрывать нечего, – равнодушно пожал плечами казак.

– Обязательно спрошу, – улыбнулся князь. – Уж очень вы необычный человек.

* * *

Долгого разговора вечером не получилось. Все слишком устали от богатого на события дня. Так что после завтрака, дождавшись, когда няньки заберут девочек, Николай Степанович и его супруга вызвали своего спасителя в столовую и, приказав подать чаю, устроили парню форменный допрос. К чести юного казака, выдержал он это испытание достойно, отвечая на все вопросы подробно и называя все требуемые имена.

В итоге, устав от этого разговора, князь отхлебнул остывшего чая и, отставив чашку, решительно подвел итог:

– Что ж, Григорий. Вы сумели полностью удовлетворить наше любопытство. Должен принести вам наши извинения за подобный напор, но прошу понять нас правильно. Рыцари, спасающие прекрасных дам от разбойников, остались только в романах. А вы поспешили на помощь не только дамам, но и мне.

– Пустое, ваше сиятельство. Я ж понимаю, что вы меня первый раз в глаза видите. Оттого и вопросы.

– Я рад, что вы так откровенны, – кивнув, усмехнулся князь. – А теперь я хочу сделать вам одно предложение и надеюсь, вы его примете.

– Сначала послушать надо, – моментально насторожившись, ответил юноша.

– Вы не по годам рассудительны. И это мне очень нравится. А предложение мое заключается в следующем. По приезде в Петербург вы, молодой человек, отправитесь в ремесленную школу. Тяга к технике, как вы сами сказали, у вас есть, а мне в мастерских требуются грамотные мастера. А еще больше толковые инженеры. Так что после окончания школы я оплачу ваше обучение в политехническом университете. Заодно, обучаясь там, вы будете работать. Это даст вам возможность достойно жить и совмещать образование с практикой. Вам это интересно?

– Учиться всегда интересно, – задумчиво протянул Гриша. – Только на кого именно я учиться буду?

– На механика.

– Вообще-то, я больше по оружию, – смутился парень.

– Ну, вспоминая ваше прошлое, это не удивительно. Но открою вам один секрет. Сейчас идет война не на поле сражения, а в торговле. Точнее, в индустриальном развитии стран.

– Чего?

– Это значит, что у какой страны техника лучше, значит, та страна и сильнее. А самое главное, сейчас идет спор, в какую сторону эта самая техника будет развиваться. Кто станет первым. Двигатель внутреннего сгорания или внешнего, и что победит: паровые двигатели или какие-то другие.

– Интересно. Про паровозы я слышал. Двигатель на керосине видел. А вот про двигатель внешнего сгорания первый раз слышу, – проворчал Гриша, почесывая в затылке.

– Вот начнешь учиться и узнаешь, – улыбнулась Лиза. – Так что? Согласен? Тебе это интересно?

– Интересно-то интересно, но только вам это все зачем? – неожиданно спросил Григорий, глядя князю прямо в глаза.

Потом его взгляд сместился с него на княгиню, и Елизавета зябко поежилась под этим внимательным, словно пронизывающим взглядом. Не ожидавшие подобного вопроса, заданного прямо в лоб, супруги растерялись. Сообразив, что здесь и сейчас нужно говорить только правду, Лиза выпрямилась, вздохнула и, сцепив пальцы в замок так, что они побелели, тихо ответила:

– Мы нуждаемся в тебе.

– С чего это? – растерялся парень. – Вы уж простите, сударыня, если я чего не так говорю или спрашиваю. То не со зла и не ради обиды. Просто говорю, как умею и как думаю.

– Ничего. Я знаю, – бледно улыбнулась княгиня. – А нужда наша вот в чем. Николая уже получал в свой адрес угрозы. А теперь, после нападения, я очень боюсь, что кто-то попытается причинить вред девочкам.

– Это все только предположения, но ради спокойствия Лизы я готов согласиться, – быстро добавил Николай Степанович. – К тому же я и правда обязан вам, Григорий. Да и выгода у меня тут прямая.

– Это какая же? – быстро спросил парень.

– Я вкладываю деньги в ваше обучение и получаю своего специалиста для мастерских. К тому же, пока вы будете учиться, жалованье ваше будет только половинчатым. Тем более что жить вы будете в нашем доме. Вот вам и выгода. Да и деньги вкладывать по большому счету небольшие придется.

– Так вы согласны? – снова спросила Лиза.

– Признаться, я о таком и мечтать не мог, – усмехнулся Гриша. – Думал, в лучшем случае конюхом пристроюсь. Согласен.

– Вот и отлично, – разом повеселев, потер руки князь.

– Слава богу! – выдохнула Лиза, улыбнувшись.

– Только... – начал было Гриша, но договорить не успел.

В комнату вошел лакей и, поклонившись князю, доложил:

– Ваше сиятельство, у ворот стоит какой-то старый казак и требует встречи с вашим гостем, – сообщил он, покосившись на парня.

– Что за казак? – не понял князь.

– Старый, одноногий, с крестами, – недоуменно пояснил лакей.

– Это он со мной, что ли, поговорить хочет? – сообразил Гриша. – Так я ж тут никого и не знаю.

– Точно так-с, – величаво кивнул лакей.

– Ну, так зови, – развел князь руками.

– Негоже, ваше сиятельство, старику к мальчишке ходить. Тем паче ветерану с наградами. Сам спущусь. А ежели что, так в комнате, что мне отвели, поговорим, – быстро ответил Гриша, легко вскакивая со стула.

Проводив его удивленным взглядом, Николай Степанович задумчиво хмыкнул и, поднявшись, негромко сказал:

– Пожалуй, мне тоже не помешает взглянуть на этого старика. Тем более что наш друг говорил, что никого в городе не знает.

Спустившись, князь быстро вышел на крыльцо и, пройдя через двор, с интересом уставился на седого словно лунь казака с окладистой бородой, лихо закрученными усами и полным георгиевским бантом на груди.

«И, правда, старый ветеран», – подумал князь, рассмотрев деревяшку вместо левой ноги.

Между тем казак, прищурившись, внимательно рассматривал стоящего перед ним юношу. Потом, кивнув собственным мыслям, ветеран подступил поближе и, заглянув парню в глаза, спросил:

– Это, значит, ты четырех абреков у ручья нагайкой положил?

– Я, дяденька, – коротко кивнул Гриша.

– Любо, – одобрительно кивнул ветеран. – А звать тебя как, герой?

– Григорий Серко. Михайлов сын.

– А деда твоего как звали? – не унимался старик.

– Силантием крестили, а люди звали Силантий травник.

– От, значит, как, – грустно улыбнулся ветеран. – Да уж, видать, и вправду судьба.

– О чем это вы, дяденька?

– Знавал я деда твоего. Да и сказать по правде, живу до сих пор только его рукам благодаря. Вот что, парень. Приходи завтра в казармы. Как в ворота войдешь, по левую руку сторожку увидишь. Там меня и найдешь. А часовому на воротах скажешь, что к Василию Ломакину идешь. Они пропустят. И собачек не бойся. Не тронут. Придешь?

– Приду. К полудню буду, – кивнул Гриша.

Снова кивнув, ветеран развернулся и не спеша заковылял к центру города. Проводив его взглядом, Гриша задумчиво почесал в затылке и, резко повернувшись к князю, сказал:

– Рассказал бы кто, не поверил.

– Ты его знаешь? – спросил князь.

– Нет. Он сказал, что деда моего знал. Вот теперь и думаю, это сколько ж ему лет стукнуло?

– Думаешь, стоит идти?

– Слово дадено. Да и не верю я, что горцы в город мстить полезут. Не тот случай.

– Почему не тот?

– Если б я их спящими взял или в засаде, безоружными, тогда да. А в бою... Нет. Не будет мести, – решительно мотнул чубом казачок.

Словно в ответ на его слова из-за угла выехали три всадника и шагом направились прямо к воротам. Гриша сразу насторожился и, скользящим движением коснувшись засунутой за спину нагайки, тихо прошептал:

– Идите в дом, ваше сиятельство. Это горцы.

– Ничего. Я вооружен, – так же тихо отозвался князь, сунув руку в карман, где носил свой любимый «бульдог».

– Не рискуй, княже. Ежели что, я сам справлюсь, – угрюмо проворчал казак, и князь невольно вздрогнул от стали, прозвучавшей в его голосе.

Ему, бывшему офицеру, очень захотелось вытянуться во фрунт и ответить уставной фразой: так точно. Поймав себя на этой мысли, Николай Степанович только удивленно головой покачал. Тем временем троица горцев подъехала к воротам и, придерживая коней, дружно установилась на юного казака.

– Салам, – нарушил молчание самый старший из троицы.

– Алейкум ас салам, – спокойно ответил Гриша.

– Ты вступил в бой с четырьмя моими воинами и убил их. Я знаю, что это так, – вскинул руку говоривший, заметив, что князь собирается вмешаться.

– Это так, – кивнул Григорий. – Это был бой, и они его проиграли. Кисмет.

– Кисмет, – вздохнул говоривший и огладил ладонями бороду. – Что ты хочешь за их тела?

– Я не шакал и не ищу выгоды с трупов. Можете их забрать, – ответил казак с таким достоинством, что горцы растерянно переглянулись. – У меня не было времени похоронить их до заката, по обычаю. Так что, если тела не забрали власти, то они ваши.

– Где был бой? – быстро спросил переговорщик.

– Пятнадцать верст, в предгорье, на поляне, у ручья.

– Я знаю это место, – прохрипел стоявший справа от переговорщика горец и, дождавшись утвердительного кивка старшего, ловко развернул коня.

Дождавшись, когда треск подков стихнет, переговорщик повернулся к парню и, окинув его задумчивым взглядом, сказал:

– Пластун. Родовой казак. Тебя хорошо учили. Ты прав. Был бой, и ты победил. Так что не бойся. Мести не будет. Не за что мстить. Не только казаки знают, что такое честь. Мы тоже знаем. А за то, что не стал за тела выкуп просить, запомни, в моем ауле ты всегда получишь кров и хлеб. Меня зовут Анвар Сеид. Будет плохо, или станешь искать защиты от врагов, приходи.

– Благословение Всевышнего твоему дому, почтенный. Я запомню твои слова, Анвар ходжа, – склонил голову Григорий.

– Тебя и правда хорошо учили, – тихо рассмеялся горец и, толкнув коня коленями, развернул его.

– Ас салам, казак, – бросил он через плечо, продолжая улыбаться.

– Ас салам, – улыбнулся Гриша в ответ.

– Что это сейчас было? – спросил князь, глядя им вслед и ничего не понимая.

– Я же говорил, мести не будет, – усмехнулся в ответ юноша.

– Еще скажи, что ты себе только что кунаков завел, – проворчал Николай Степанович, пытаюсь обрести душевное равновесие.

– Нет. Кунаками они не станут. Между нами кровь. Но слово свое они сдержат.

– Однако и выдержка у вас, молодой человек, – растерянно выдохнул князь.

– С горцами говорить меня отец специально учил. Непростой народ. Но если их обычаи уважать и веру не хулить, то и они тебя уважать будут. А более всего они силу уважают. Внутри которая.

– Духовную, – понимающе кивнул князь. – Что ж. Думаю, теперь полицмейстер может спать спокойно.

– Он и так хорошо спит, – рассмеялся Гриша. – Ваше сиятельство, а не прогуляться ли нам на базар?

– Хочешь оружие продать? – понимающе усмехнулся князь.

– А заодно и прикупить кое-что.

– Тебе что-то нужно? Только скажи, и слуги все принесут.

– Не стоит. Не барин. Да и самому всегда надежнее, – отмахнулся парень.

– Может, ты и прав, – смутился Николай Степанович. – И кстати, перестань меня титулом величать. Я и так знаю, что я сиятельство. Называй по имени-отчеству.

– Как пожелаете, Николай Степанович, – кивнул Гриша и направился в дом, переодеться и упаковать добытое оружие.

* * *

После прибытия в дом князя Гриша первым делом привел добытое оружие в порядок, вычистив его до зеркального блеска. Из всего добытого он решил оставить себе только старинный кинжал – бебут. Изогнутый, словно тигриный коготь, синеватой стали, в чеканных ножнах, украшенных серебром. С интересом рассматривая это произведение искусства, юный казак пытался представить себе, кто был тот неизвестный мастер, что выковал это оружие, и кем был его первый владелец.

Этим оружием можно было владеть, но стать его хозяином мог только настоящий воин. Григорий помнил старую легенду, услышанную от деда, что настоящее булатное оружие всегда само выбирает себе хозяина и служит ему и его потомкам. А если человек чем-то не устраивает такое оружие, то оно уходит от него. Ломается или позволяет его убить. И вот теперь, аккуратно уложив кинжал в свой походный ситор, рядом с кинжалом деда, парень быстро уложил все остальное в холстину и, увязав ремнями, спустился во двор.

К тому времени водитель Ермолай выгнал из сарая автомобиль и, с важным видом усевшись за руль, прогревал двигатель. Увидев парня с большим узлом, он быстро выбрался из салона и, подняв крышку багажного отделения, скомандовал:

– Клади свое барахло сюда. Нечего железом обивку драть. Да не бойся, не выпадет, – усмехнулся водитель, заметив сомнение на лице парня.

– Да я не за то беспокоюсь, – отмахнулся Гриша. – Оружие, оно ведь тоже уважения к себе требует. А ты его словно что ненужное, в сундук.

– Сам ты сундук, – возмутился Ермолай. – Это называется багажное отделение. Или багажник. Специально для всякой клади сделан. Так что клади, не сомневайся.

Вздыхнув, Григорий нехотя сунул баул на указанное место. Князь, наблюдая из-за двери за этой картиной, только усмехнулся и, сойдя с крыльца, приказал:

– Ермолай, едем на базар. Только не гони, а то снова обыватели на тебя жалобы писать станут.

– Как прикажете, ваше сиятельство, – кивнул водитель, распахивая дверцу.

К удивлению Гриши, Ермолай успел изучить город и довез их до базара менее чем да четверть часа, при этом умудряясь выбрать дорогу пошире и поглаже. Оставив его в машине, Гриша с князем отправились на торжище. Тут пришлось удивиться уже самому князю. Закинув на плечо баул с оружием и, осмотревшись, казачок решительно зашагал в сторону, откуда доносился звон металла и тянуло разогретым железом.

Ловко скользя среди лоточников и корабейников, парень решительно пробирався к кузнечным рядам. Иногда наблюдавшему за ним князю казалось, что парень умудряется замечать препятствия, даже находящиеся у него за спиной, так ловко он сдвигал свой тяжелый баул,

чтобы не ушибить кого ненароком. Но самое большое удивление настигло князя, когда казак вдруг резко развернулся и, перехватив руку тощего мужичка, вывернул ее так, что мужик взвыл от боли.

– Пусти, тварь! – захрипел пойманный, разжимая пальцы перехваченной руки.

Из них выпало что-то небольшое, и Николай Степанович, не сдержав любопытства, нагнулся, чтобы поднять непонятный предмет. Им оказалась копеечная монета, край которой был заточен, словно бритва.

– Отпусти человека, парень, если шкура дорога, – раздался чей-то угрожающий голос.

– Ты сначала доберись до моей шкуры, – жестко усмехнулся Гриша, усиливая нажим на руку пойманного.

– А-а-а, – разнесся над базаром вопль боли.

Быстро осмотревшись, князь вдруг понял, что они с Григорием оказались окруженными на пятак, откуда уже успели сбежать все торговцы. Сообразив, что это не простые обыватели, Николай Степанович сунул руку в карман.

– Оставь свою пукалку, господин хороший, и ступай себе мимо. До тебя у нас дела нет, – повернулся к нему здоровенный мужчина со шрамом через все лицо. – А вот казачка твоего придется поучить как следует.

– А силенок-то хватит? – презрительно усмехнулся казак.

– Да ты, видать, совсем добрых людей не уважаешь, если смеешь грозить! – возмутился мужик со шрамом.

– Я честных людей уважать привык, а не шваль каторжную, – фыркнул парень. – Добрые люди свое добро трудом зарабатывают, на чужое не зарятся.

– Да ты никак меня учить вздумал, сопляк?! – взревел мужик и шагнул к парню, заноса пудовый кулак.

Что было дальше, Николай Степанович вспомнил уже после, рассказывая об увиденных событиях полицейскому дознавателю. Сбросив баул с плеча, Гриша шагнул назад, одновременно швыряя его в ноги нападавшему и с силой ломая руку воришки. Мгновений замешательства ему хватило, чтобы выхватить из-за спины нагайку и с ходу хлестнуть ею громилу, стоящего у него за спиной. Обратным ударом он достал мужика со шрамом и тут же дотянулся до того, что набегал сбоку.

Нагайка свистела в воздухе, словно былинный Соловей-разбойник, и с каждым ударом базар оглашал вопль боли. Гриша ломал руки и ноги, нанося удары по суставам, разбивал лбы и носы, превращая лица в кошмарные кровавые маски. Спустя минуту все было кончено, а повисшую над базаром тишину разрывали трели полицейских свистков. Николай Степанович изумленно разглядывал результат трудов своего подопечного, не веря собственным глазам.

Пять тел валялись в пыли, издавая только слабые стоны. Подбежавшие полицейские, числом аж трое, растерянно затоптались рядом с поверженными разбойниками, не понимая, что делать дальше. Решив, что его вмешательство заставит этих служак взглянуть на дело с нужной стороны, Николай Степанович шагнул вперед и, найдя взглядом старшего в этой не святой троице, заявил:

– Я князь Воронцов-Ухтомский. Эти люди посмели напасть на меня и моего человека. Немедленно арестуйте их и отправьте в участок. Свои показания я сообщу лично полицмейстеру города. Если они вам еще потребуются, конечно.

– Так это чего ж сразу полицмейстеру-то? – стушевался урядник. – Рожи эти мы и так знаем, да только на горячем их никак словить не могли. А теперь-то уж получают по полной. Это как бог свят, ваше сиятельство. Не извольте сомневаться.

– Посмотрим, – усмехнулся князь. – В общем, где я остановился, весь город знает. Если потребуются мои показания, я готов их дать.

– Это уж как господин дознаватель решит, – вздохнул урядник и, жестом подозвав дюжих базарных дворников, приказал: – Вяжите голубчиков и в околоток.

– И доктора им позвать не забудьте, – с усмешкой посоветовал Гриша.

Проводив стенающую и хромающую на все ноги процессию, князь повернулся к парню и, покачав головой, проворчал:

– И надо оно тебе было? Ну, дал бы в морду тому воришке да отпустил. А теперь нажил себе врагов из каторжан. Ходи да оглядывайся.

– Я, Николай Степанович, чужого никогда не возьму, но и своего не отдам. А воров да разбойников всегда терпеть не мог. Воспитали так, – ответил парень и, подняв баул, закинул его на плечо, отряхнув пыль.

Спустя еще десять минут они вошли в оружейную лавку, что притулилась рядом с небольшой кузней. Хозяин, дородный мужчина невысокого роста, окинув посетителей внимательным взглядом, сразу заметил баул на плече парня и, жестом указав на прилавок, низким басом прогудел, словно летящий жук:

– Показывай, व्यюнош, чего принес.

– Стволы трофейные. С горцев взяты, – коротко пояснил Гриша, быстро распуская завязки.

Внимательно осмотрев оружие, мастер задумчиво покачал головой. Словно понимая его сомнения, Григорий только руками развел. Глядя на эту пантомиму, князь лихорадочно пытался понять, что происходит. Наконец, мастер, очевидно придя к какому-то решению, сказал:

– Задал ты мне задачку, व्यюнош. С одной стороны, товар у тебя не ах, а с другой, не хочется казака обидеть, который сумел бандитов окоротить.

– Что, и вы уже знаете? – не удержался князь.

– Весь город знает, – отмахнулся мастер.

– Вы, почтенный, особо голову себе не забивайте. Что сделано, то сделано. А то, что оружие не особого качества, так я тут про дамаский булат и не рассказываю. Просто дайте цену толковую, и сойдемся, – улыбнулся Гриша.

– Цену, говоришь? – задумчиво протянул мастер. – Тогда придется каждый ствол отдельно оценивать. Долго это.

– А мы и не торопимся. Только учтите, мастер, что цены на оружие я знаю.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся мастер. – Чтобы казак да цену оружию не знал, так не бывает. Ну, а сам что скажешь? Не по цене, по сохранности.

– А что тут говорить? – пожал Гриша плечами. – Вот эта пара, – он отложил два пистолета в сторону, – слова доброго не стоят. Тут ремонт нужен. Пружины менять надо, да и стволы изношены. Эта, – парень отложил другую пару пистолетов, – кому по бедности сойдет. Только кремни поменять. А вот за эти две пары можно и полную цену взять. Ну, а штуцера средней сохранности. Тут и думать нечего.

– Ишь ты, – одобрительно хмыкнул мастер. – Все как есть сказал.

– На то и казак, – рассмеялся Гриша.

– Добро. Штуцера по семи рублей возьму, а за пистолеты по три за пару на круг.

– Серебром или на ассигнации? – быстро уточнил парень.

– Тебе серебром заплачу, – помолчав, заявил мастер, словно отрезал.

– Спаси Христос, почтенный, – склонил голову Гриша.

– Тебе спасения, व्यюнош, – пробасил мастер. – Та банда много бед наделать могла.

Ловко отсчитав деньги, оружейник повернулся к князю и, заметив его интерес к боеприпасам, спросил:

– Что интересует, сударь? Патроны есть разные. К английскому оружию, к французскому. К нашему, само собой, имеется.

– Нужны патроны к «бульдогу», – ответил князь.

– Есть такие. По пяти копеек за штуку.

– Ого! Ну и цены, – удивился Николай Степанович.

– Так ведь и привоз денег стоит, – развел мастер руками. – Это в столицах цена пониже, потому как везти недалеко. А сюда пойдешь закажи, да еще и заказанного ждать устанешь.

– Ладно. Уговорил. Отсыпь на рубль. Мне им не воевать. Хватит, – махнув рукой, командовал князь, доставая бумажник.

Из оружейной лавки они вышли весьма довольные собой. Гриша, снова оглядевшись, направился в сторону суконных рядов. Закупив себе пару рубашек, холста на исподнее и портянки, парень набрел на прилавок скорняка и тут же сцепился с ним в торге за папаху. Кубанка явно ему нравилась, но платить без торга – продавца обидеть. Наблюдая за этим зрелищем, князь только удивленно головой качал, слушая аргументы, приводимые спорщиками.

Тряся и теребя папаху так, что нитки трещали, они тыкали ею друг другу в носы, тыча пальцами в спорные точки. Сам князь, внимательно рассмотрев кубанку, не смог найти и третьей части тех изъянов, что называл парень. Наконец, уплатив за папаху рубль бумажкой, Гриша с довольным видом отступил от прилавка.

– И чего ты с ним так сцепился? – не удержался от вопроса князь. – Ведь деньги-то у тебя есть.

– Есть, – с улыбкой кивнул парень. – Но ведь это базар. Тут не поторгуешься, уважать не станут. Да и папаха хороша. А торг для мастера – это как похвала. Не станешь спорить, мастера обидишь. Принято тут так.

– Обычай, значит, – на всякий случай уточнил Николай Степанович.

– Ага. Он и есть.

– Ну, ты все купил или еще за что торговаться будешь? – спросил князь, уже уставший от этого долгого дня.

– Чувяки только купить осталось. Не в сапогах же по дому ходить, – подумав, ответил Гриша.

– Ох, и повезет же какой-то красотке, – рассмеялся князь. – Хозяйственный ты, аж дух захватывает.

– А вы думали, что казаки только войной живут? – усмехнулся Гриша. – Нет. Мы от начала своим умом жили. Над нами ни бояр, ни чиновников никогда не было. Только своя голова да казачий круг. Да и крепостными мы никогда не были.

– Это заметно, – хмыкнул князь.

– Чем же? – с интересом спросил парень.

– А не умеешь ты спину гнуть. С любым пытаешься как с равным говорить. Даже с тем, кто по чину и по рождению тебя намного выше. Да, грубости ты не допускаешь, но и почтения в тебе нет.

– Меня учили почитать только Господа да честь воинскую. Остальное от лукавого, – отрезал Григорий, и князь поперхнулся, услышав это.

– Ладно, – спустя пару минут придя в себя, сказал князь. – Покупай свои чувяки, и поехали домой. Устал я, да и есть уже хочется.

* * *

Вечером того же дня они получили сюрприз. Зизи, которая должна была приехать только через неделю, ворвалась в арендуемое имение словно ураган. Не ожидавший такого скорого приезда сестры Николай Степанович только руками развел от удивления, а девочки с восторженным визгом набросились на приехавшую тетю, теребя ее и спеша поделиться важными дет-

скими новостями. Кое-как уgomонив эту верещающую троицу, Лиза отправила девочек в детскую и, устало присев на диван, с улыбкой спросила:

– Зоенька, как прикажешь тебя понимать? Ты же собиралась приехать только на следующей неделе. У тебя все в порядке?

– Лиззи, не занудствуй, – отмахнулась Зоя. – Просто мне до тошноты обрыдли это светские физиономии. Или ты не рада меня видеть?

– Не говори глупостей, дорогая. Уж кого-кого, а тебя я всегда безумно рада видеть. Про девочек я уже и не говорю. Замучилась их отдирать от тебя. Так какие новости в столице?

– Все как обычно. Того поймали на той, а этот проигрался до исподнего. В общем, ничего нового. А у вас что?

– Да тоже ничего особенного, – вздохнула Лиза. – Провинция. Если бы не местные воды, я бы уже взвыла от скуки.

– Вот как? А мне тут сообщили, что вас едва не похитили. Целое сражение разыгралось. Я уж грешным делом решила, что ты стала тут новой Еленой, а Ессентуки превратились в новую Трою. Вот только очередной Парис подкачал, и твоему Агамемнону удалось тебя отбить.

– Агамемнон никогда не был мужем Елены, – наставительно произнес князь, входя в комнату.

– Разве? Ну, если вспомнить те нравы, то не удивлюсь, если он был одним из них, – рассмеялась Зоя.

– Зизи, ты издеваешься над нами? – делано возмутилась Лиза.

– Чуть-чуть, – весело кивнула Зоя. – А если правда, что там случилось?

– Поехали на пикник и нарвались на абреков, – вздохнул князь. – Пришлось вспомнить, что я хоть и в отставке, но все еще офицер. Но, к сожалению, это не сильно помогло. В общем, нас спас юный казак, оказавшийся в нужное время в нужном месте.

– Юный казак? Звучит очень романтично. И насколько он юн? – спросила Зизи, плотоядно облизнувшись.

– Зоя, прекрати немедленно, – возмутился Николай Степанович. – Ты ведешь себя просто невыносимо.

– А меня и не надо выносить. Потребуется, и сама уйду. Если выгонишь. Но обычно не просят.

– Еще чего?! – всплеснула Лиза руками. – Ты же знаешь, что этого никогда не будет. Но прости, дорогая, ты вправду сегодня что-то разошлась. С чего бы это?

– А настроение какое-то шалое, – помолчав, призналась Зоя. – Вроде и не пила, а чувствую себя, как после пары бокалов шампанского. Похоже, это смена обстановки на меня так действует. Так я могу увидеть вашего спасителя?

– Зачем? – насторожился князь.

– Хочу сказать ему спасибо, – сложив руки на коленях, ответила Зоя с видом примерной девочки.

– Увидишь, – вздохнул князь, безнадежно махнув рукой. – Но имей в виду... Он действительно из казаков. Причем старого имени. Так что лучше как следует подумай, прежде чем отчебучить что-нибудь из своего арсенала светских шуточек. Не забывай, казаки народ религиозный и живут своими укладами.

– Что, все так плохо? – удивленно поинтересовалась Зизи.

– Ну, почему же сразу плохо, – удивился Николай Степанович. – Не плохо, но предупредить тебя я был обязан. А то еще схлопочешь нагайкой.

– Нагайкой? За что?

– За длинный язык. А обращаться с ней он умеет. Сам видел.

– Ребята, вы меня уже запугали, – рассмеялась Зоя. – И еще сильнее заинтриговали. Так я могу взглянуть на этого уникама?

– Эй, кто там! – окликнул князь, обернувшись к дверям.

В комнату вошел лакей и, важно поклонившись, вопросительно уставился на хозяина.

– Позови сюда, голубчик, Григория, – попросил князь.

Спустя три минуты дверь распахнулась, и в комнату широким шагом вошел тот, о ком было столько разговоров.

– Звали, Николай Степанович? Случилось что? – с ходу спросил парень, скользнув по с интересом наблюдавшей за ним Зое коротким, внимательным взглядом.

– Все в порядке, Гриша. Просто хотел познакомить тебя с моей сестрой, Зоей. Зоя, это Григорий, наш спаситель. Гриша, это Зоя. Моя сестра. Она вдова, ведет светский образ жизни, так что не удивляйся, если услышишь что-то колкое.

– Весьма рад знакомству, сударыня, – склонил голову парень.

– Черт возьми, какие глаза! – ахнула Зизи и, вскочив, решительно подошла к нему вплотную. – Есть в них что-то демоническое. Точнее, они напоминают глаза зверя, вот только какого... – она запнулась, подбирая точное определение, и Гриша, воспользовавшись паузой, добавил:

– Волчьи. Глаза такие волчьими называют.

– Точно! Интересно, как так получилось? – не унималась Зоя.

– В нашем роду у всех мужчин такие были, – улыбнулся Гриша.

– Здорово, – восхитилась Зизи и, схватив парня за руку, потащила к столу. – А скажите мне, молодой человек, что вы еще умеете, кроме как повоевать?

Но вместо ответа Гриша вдруг замер и, сжав крошечную ладошку женщины в свой лапе, удержал ее на месте. Запнувшись, Зоя удивленно обернулась, пытаясь что-то сказать, но так и замерла с приоткрытым ртом, наткнувшись на его пронзительный взгляд.

– Вот оно как, – вдруг глухо проговорил парень. – Плод от насильника вытравила, а теперь маешься, не зная, как дитя зачать. Плохо. Но беда одолима. Съезди на моление, поклонись Богородице, а я тебе потом травок заварю. Глядишь, и справимся с бедой.

Ахнув, Зоя вырвала руку из его хватки и, попятившись, плюхнулась на диван, со страхом прижав сжатые кулачки к лицу, словно боялась удара. Гриша же, встряхнувшись, растерянно захлопал ресницами, словно вынырнув из воды. Лиза замерла, словно обратившись в соляной стоп, а князь, кое-как обретя дар речи, осипшим от волнения и удивления голосом спросил, растерянно глядя на сестру:

– Зоенька, что это значит? Какой насильник? Какой плод? О чем он тут говорил?

Николай Степанович резко обернулся к парню, но тот только смущенно потупился и, виновато разведя руками, прошептал:

– Простите, ваше сиятельство. Я же говорил, на меня иной раз находит. Сам не знаю, чего говорю.

– Этого не может быть. Как ты узнал? Я же никому, никогда... – Зоя залилась слезами.

Окончательно смутившись, Гриша побрел к дверям, когда властный голос князя приказал:

– Григорий, вернитесь.

Парень покорно подошел к нему, ожидая приказа покинуть эту странную, но такую интересную семью, и князь, понимая, что должен как-то успокоить всех, быстро сказал:

– Гриша, ты никого ничем не обидел. А то, что ты сейчас сказал, нам пояснит Зоя. Мы тебя слушаем, сестрица.

– Это случилось на второй год моего замужества. Как ты помнишь, мой благоверный уже тогда редко появлялся в свете, пряча морду, на которой уже начал проваливаться нос. Его мамаша как-то поставила мне в вину, что я до сих пор не принесла им наследника. Разозлившись, я ответила, что благодаря их сынку, я мало того что не беременна, так еще и по сию пору девственница. В тот же вечер Казимир явился домой с парочкой своих приятелей. Они

были пьяны до полной потери человеческого облика. Увидев меня, Казимир вспомнил, какую выволочку ему устроила мамаша, и предложил своим друзьям повеселиться со мной. Он... держал меня, а они взяли меня силой. Мало того после всего он еще и избил меня, якобы за измену. Едва придя в себя, я отправилась в больницу святой Екатерины. Показываться нашему врачу я не стала. Он давно знаком с этой семьей и не стал бы свидетельствовать против них.

Осмотревший меня врач указал все побои на моем теле и письменно подтвердил, что насилие и правда было, заверив этот акт личной печатью. Не дожидаясь, когда сойдут синяки, я отправилась на прием к императору. Требовать развода. Не мне вам рассказывать, что аристократы должны на подобный акт получать высочайшее дозволение и только потом обращаться в Синод.

Князь только мрачно кивнул, подтверждая ее слова.

– На приеме, едва увидев мое разукрашенное лицо, император чуть сознания не лишился. Ему, оказывается, давно уже докладывали о мерзких эскападах моего муженька, но он считал это наветами злопыхателей. Род Джебзинских служил империи долгие годы и всегда был на хорошем счету. Но, как говорится, в семье не без урода. Эта поговорка как нельзя лучше подтверждает мою историю. В итоге, после долгих раздумий, его величество попросил меня не раздувать скандал, а взамен дал слово, поклявшись на кресте, что признает наследником рода Джебзинских и Воронцовых-Ухтомских ребенка, которого я рожу, кем бы ни был его отец. Это будет только мой ребенок. А еще он своим приказом отправил Казимира в одну из частных закрытых лечебниц за счет казны. Под пригляд и на излечение, как было сказано в том указе. Вскоре выяснилось, что после той ночи я понесла. Не желая рожать от насильника, я обратилась к одному хирургу, и он избавил меня от ребенка. Да, я понимаю, что дитя ни в чем не виновато, но оно вечно напоминало бы мне о той ночи. Я поняла, что не вынесу этого, – еле слышно закончила женщина.

– Почему ты не рассказала мне? – срывающимся от ярости голосом спросил князь.

– Чтобы ты вызвал Казимира на дуэль, а потом отправился в тюрьму или нажил кучу проблем? Нет, братец. Это был мой крест, – грустно улыбнулась Зоя. – Знаешь, я даже на отца не сердилась за это замужество. В нашей гвардейской семейке о подобном паскудстве никто и помыслить не мог. Ухтомские всегда по женской части мастерами были. Подолы задирали так, что только корсеты трещали. Признаться, до сих пор удивляюсь, отчего это к нам в двери не ломятся с дюжину всяких бастардов разного возраста. И не делай такие глаза, Лиззи, – повернулась она к княгине. – А то я решу, что тебе трех дочерей ветром надуло.

– Ну вот, – растерянно усмехнулся князь, разводя руками, – Зизи вернулась и тут же принялась за свое.

– Ты же знаешь, Николя, я никогда не умела долго грустить, – усмехнулась Зоя, утирая слезы.

– И язык у тебя вечно как помело был, – в тон ей добавил князь.

– Язык – это главное оружие женщины, – тут же нашлась Зизи, наставительно покачав указательным пальцем. – И не только в споре, – добавила она, лукаво покосившись на Лизу.

– Пороть тебя некому, – рассмеялась та.

– Пробовали, не помогает, – отмахнулась Зоя. – Лучше скажите, чем у вас будет заниматься этот удивительный юноша?

– Для начала отправим его в ремесленную школу, а потом оплачу ему учебу в университете. Благо Гриша у нас грамотен.

– А заодно он будет охранять наших девочек, – решительно добавила Лиза.

– И жить он, конечно, будет у вас, – понимающе кивнула Зоя.

– Конечно, – удивленно кивнула Лиза. – А что?

– А то. Твоей Машеньке уже десять?

– Верно. И что?

– А то, что через пару лет она начнет на мальчиков заглядываться, а тут такой телохранитель. Хочешь нажать себе головной боли? Сколько тебе лет, Гриша?

– Шестнадцать будет, – буркнул казачок.

– Самое оно по годам, – повернулась Зоя к Лизе.

– Не утрируй, Зизи, – попыталась возмутиться Лиза.

– Утрировать? Еще чего! Себя вспомни в том возрасте. Или тебе напомнить, что тво- рится в спальне пансиона после прочтения очередной главы «Декамерона»? Три десятка юных, здоровых кобыл вздыхают так, что тяжелые шторы колышутся, словно легенький тюль.

– Что ты предлагаешь? – со вздохом спросил князь.

– Жить он будет у меня. А что касается охраны, есть у меня пара крепких парней, всегда готовых заработать. С ними можно будет не особо церемониться. Вы платите, они служат. А верность их я вам обеспечу.

– Зоя, что ты задумала? – спросил князь, задумчиво переводя взгляд с сестры на парня.

– Не то, что ты подумал, братец. Раз уж у нас вечер откровений, скажу. Семейство моего мужа оказалось в сложной финансовой ситуации и, прослышав, что мой салон приносит хоро- ший доход, решило наложить на него лапу. Так что охрана нужна скорее мне, чем вам.

– Я согласен, – вдруг громко произнес Гриша, и все собравшиеся притихли.

* * *

Утром следующего дня Зоя уговорила брата прогуляться с ней по городу. Заметив, что после вчерашней беседы сестрица забыла про цинизм и едкость, разом превратившись в улыб- чивую, задорную девчонку, которую он всегда знал, Николай Степанович с удовольствием усту- пил ее просьбе. К тому же, как он помнил, в полдень Григорий должен был встретиться с вете- раном, знавшим его деда.

Личность юного казака все больше занимала мысли князя. Слишком много странного было с ним связано. Особенно, что касалось его необычных способностей. Сам князь никогда не верил в мистику, будучи человеком дела. Он скорее готов был поверить в полет человека на Луну, как было описано в знаменитом романе месье Жюль Верна, или в то, что однажды сделанные человеком приборы смогут выполнять его работу, но не в мистику и потусторонние силы.

Так что сразу после завтрака Николай Степанович галантно подставил сестре локоть и не спеша вышел с ней на улицу. План действий был примерно таков. Сначала они посещают ротонду, где пьют целебную воду, а после отправляются на базар. Место сосредоточения всех последних новостей и вообще всего нового и необычного, что только способно появиться в городе. Ну, а на обратном пути можно будет заглянуть и к ветерану, чтобы задать ему несколько важных вопросов.

Сам же Гриша, по привычке проснувшись с первыми лучами солнца, выскользнул в сад, где уже привычно разогрел тело очередной пляской казачьего спаса, после чего, облившись колодезной водой и умывшись, отправился на кухню. Не дожидаясь, пока кухарка начнет гото- вить, он взял у нее краюху хлеба, кружку молока и, съев добычу прямо на месте, поспешил в свою комнату.

К визиту нужно было подготовиться. Так что парень надел чистое исподнее, достал из сидора свежую рубаху, начистил сапоги и, перепоясавшись отцовым поясом, пятерней расчесал заметно отросшие волосы.

«А про гребень-то я и забыл, – мелькнула удрученная мысль. – Значит, после казарм придется снова на базар идти».

Выглянув из окна и убедившись, что до нужного часа времени еще достаточно, парень вышел во двор и направился напрямик в сарай. Водитель Ермолай, распахнув ворота, уже

копошился с чем-то в моторном отсеке. Поздоровавшись, Гриша предложил свою помощь и, услышав, что тут и одному делать нечего, удрученно вздохнул. Ему действительно нравилось возиться с железом. К тому же он искренне пытался понять, каким образом эта странная повозка способна двигаться без посторонней помощи.

Ермолай, заметив его расстройство, тут же смиростивился и, подвинувшись, принялся подробно объяснять, что там, в моторе и как работает. Внимательно следя за его промасленным пальцем, Гриша слушал, с трудом сдерживая рвущиеся вопросы. Дослушав лекцию до конца, парень вежливо поблагодарил водителя и, выглянув из сарая, решительно отправился в дом. Быстро глянув на себя в зеркало, что висело в холле, и убедившись, что одежда не испачкана, парень забрал из комнаты свою новую папаху и поспешил на выход.

Ровно в полдень он прошел в ворота казарм и, увидев дежурного, спросил, вежливо поздоровавшись:

– Не подскажете, где мне казака найти, Ломакина Василия?

– Вон туда ступай, – насторожившийся было солдат расслабился и улыбнулся. – У себя дед. Только смотри, чтобы собаки не порвали.

– Дядька обещал, что не тронут, – улыбнулся в ответ Гриша и зашагал в указанную сторону.

За старой яблоней и крошечным палисадом парень рассмотрел небольшую, беленную известью мазанку. Поднявшись на крыльцо, он остановился перед открытой дверью, занавешенной выцветшей ситцевой занавеской, и, постучав в косяк, громко спросил:

– Хозяин, есть кто дома?

– Входи, казак, – послышался задорный голос старика.

Перешагнув порог, Гриша, по обычаю, нашел взглядом красный угол и, сняв папаху, перекрестился, негромко сказав:

– Мир дому сему.

– И тебе мира, гость дорогой. Проходи, присаживайся. Сейчас чайку спроворю, побеседуем, – отозвался старик и, постукивая своей деревяшкой, принялся суесться по хозяйству.

Заметив, как тот неловко повернулся, пытаясь поднять самовар, Гриша молча забрал у него медного красавца и, вынеся самовар на улицу, огляделся.

– Посолонь ставь, на лавочку. Там и дровишки у меня приготовлены, – подсказал старик, тяжело спускаясь с крыльца.

Поставив самовар на указанное место, Гриша молча отступил в сторону, давая хозяину возможность делать все так, как он сам привык. Одно дело, в нужный момент помочь, и совсем другое – в чужой уклад без спросу лезть. Ловко растопив самовар, ветеран, побряхтывая, опустился на лавку и, достав из кармана кисет, принялся набивать маленькую трубочку.

– Вот ведь, всю ночь не спал. Все думал, как разговор начну, а пришло время, и начать не знаю с чего.

– Вы правда деда моего знали? – помолчав, спросил Гриша.

– Силантия-то? Знал, – грустно улыбнулся старик. – Вот, его трудами да заботой после ранения жив остался, – добавил ветеран, похлопав заскорузлой ладонью по деревяшке. – Доктур у нас в лазарете из немцев был. Злой. Да и как не озлиться, ежели ранетых почитай половина войска было. Делал, что мог. А сказать надо, что мог он не много. Пулю достать, перевязать или, вон, ногу отпилить – это запросто, а чтобы потом выходить, не умел. Потому и злился на Силантия крепко. Тот своими травами да отварами почитай треть сотни казачьей спас. Дрались тогда турки знатно. Насмерть стояли. Да только сломили мы их. Хоть и полегло народу – страсть. Вот после того дохтура я с дедом твоим и познакомился. Рана загнила, да спас меня Силантий. Выходил.

– А потом что было? – спросил Гриша с жадным интересом.

– А потом мы по станицам вернулись. Так и не сумел я деда твоего за спасение души своей отблагодарить. В станице тогда у меня своих бед навалилось, ну да то уже только моя печаль. К нашему разговору не касаемо. А фамилию я крепко запомнил, хоть и в горячке почти весь обратный путь валялся. Выходит, из всего рода ты один живым остался?

– Один. Батя успел перед смертью себе могилу выкопать. На погосте, рядом с матерью. Туда и лег. Без домовины, – срывающимся голосом ответил парень. – Как сам выжил, до сих пор не понимаю.

– А тебе и не надо, – выдохнул старик. – Выжил – значит, время твое еще не пришло. Живи да радуйся, и не гневи Бога сомненьями.

– Вот и живу, – развел Гриша руками.

– Не грусти, казак, – вдруг улыбнулся старик. – Никому не дано его путь знать. Иногда мы можем только узнать день его окончания. Ну, да ты это знаешь.

Самовар закипел, и ветеран, выбив трубку, скомандовал:

– Забирай, сынок, того пузатого и пошли в дом. Чаевничать. Там и беседа сладится.

Перенеся самовар в дом, Гриша поставил его на стол и, отступая в сторону, бросил быстрый взгляд за занавеску, где стояла широкая деревянная кровать. Над кроватью, на ковре, висела сабля. Гриша так и замер, прикипев к оружию взглядом.

– Что, приглянулась красавица? – с добродушной усмешкой спросил старик, заметив его взгляд.

– Неужто ширванка? – пролепетал Гриша, не веря своим глазам.

– Она самая. Лично с турецкого паши снял. Дамасского булата клинок. Что, нравится?

– Да как же такое не нравится может? – возмутился парень.

– Верно. Сразу казацкую кровь видно. От одного взгляда на настоящую саблю замер, словно громом пораженный, – продолжал смеяться старик. – А хотел бы ее в руке опробовать?

– А можно? – спросил Гриша с такой надеждой, что старый казак поперхнулся.

– Отчего ж нельзя? Нельзя кому попало, а родовому казаку сам бог велел. Снимай.

Гриша благоговейно снял со стены саблю, и по ладоням, коснувшимся оружия, пробежала легкая дрожь. Плавно выдвинув клинок из ножен на треть, парень залюбовался игрой света на муаровом узоре стали. Это было не просто оружие. Это была легенда. Гриша и сам не знал, сколько простоял так, любуясь оружием. В чувство его привел задумчивый голос старого казака:

– Влюбился?

Гриша невольно вздрогнул и, смутившись, задвинул клинок обратно в ножны.

– И чего стоишь? – вдруг спросил старик с ехидной усмешкой.

– А чего делать-то? – не понял парень.

– Казачьему спасу ты хорошо обучен, это я сразу увидел. Вот и потешь старика. Спляши с ней. Глянем, как моя красавица руку твою примет.

– Что, правда? Можно? – не поверил Гриша своим ушам.

– Нужно, сынок. Пошли, – решительно заявил старик и первым захромал к выходу.

Григорий сбежал с крыльца и, отступив от дома на десяток шагов, замер, держа саблю в левой руке. Тело отозвалось на привычное состояние сосредоточенности сразу, словно ждало. Правая рука парня одним движением вымахнула саблю из ножен, и воздух застонал, рассекаемый острейшим клинком. Гриша играл саблей, словно и вправду сражался. А когда все закончилось, очнулся стоящим на одном колене, с вытянутой вперед саблей. Левая рука продолжала сжимать ножны обратным хватом, обратив их в защиту.

– Силен, – одобрительно кивнул старый казак. – Потешил старика. Любо. Давно я такой доброй пляски не видел.

– Да и я, признаться, с самого испытания так не плясал, – ответил Гриша, слегка задыхаясь от переполнявших его чувств.

– Умойся и в дом ступай, – скомандовал старик, забирая саблю.

Когда вошедший в мазанку Гриша увидел хозяина, то растерялся. Тот сидел перед накрытым столом, положив перед собой саблю и какой-то узелок, и задумчиво попыхивал трубкой. Увидев парня, он жестом указал ему на место перед собой и, молча налив чаю в кавказский грушевидный стаканчик, тихо сказал:

– Смотрю, легла тебе красавица моя в руку. Да и на душу тоже. Так?

– Так, дяденька, – не стал лукавить парень. – Словно сама в пляске руку вела.

– То добре, – кивнул старик. – Значит, признала она кровь твою. И вот что я тебе скажу, казак. Забирай ее.

– Да как же так, дяденька?! – растерянно ахнул парень. – У вас же небось и наследники есть. Тоже род казачий.

– Нет. Сгинули мои наследники. Дочка одна осталась, – грустно вздохнул старик. – Давно уже мужняя жена, да только не казак он. Хоть по роду и в реестре пишется.

– Разве ж так бывает? Чтобы по роду да по реестру казак, а по делу...

– Бывает. Не казак, купец. От службы откупается и сынов откупает, пузо отрастил, что баба на сносях. С какой стороны к коню подходить, и забыл уже. Все на бричке катается, что тот барин. Вот и выходит, что нет у меня наследника. Да и не хочу я, чтобы настоящий булат абы кому достался. Оружие вою служить должно, а не в сундуке пылиться. Вот пусть оно тебе и послужит. Но и это не все. Вот, смотри, – с этими словами старик развернул узелок и выложил перед парнем странную брошь.

– Неужто рубин?! – ахнул Гриша, рассмотрев ее. Камень в броши был размером с перепелиное яйцо.

– Он, – кивнул старик. – С тюрбана того самого паши снял. А здесь казна моя. Все, что скопил за годы. Только на похороны себе отложил. Батюшке местному отдал.

– Не могу я это принять, – вдруг потряс Гриша головой. – Не мое оно. Дочки твоей.

– Твое, – отрезал старик. – Помру я на днях. Срок пришел. А как не станет меня, похорони по нашим законам. Проследи, чтобы все правильно сделали, и сорокоуст закажи, да молебен отстой. А как сделаешь, так и живи, как сможешь. А насчет дочки не переживай. Я у попа бумагу оставляю, что наследником своим тебя кличу, перед людьми и Богом. Мол, долг старый плачу. Не посмеют спорить. Так сделаешь?

Ветеран смотрел на парня с такой надеждой в глазах, что Гриша не осмелился отказать ему в последней просьбе.

– Сделаю, – коротко кивнул парень.

– Добре. Забирай всё. А как помру, тебя позовут, – завершил старик разговор, пододвигая к нему все разложенное на столе.

* * *

Прогулявшись по базару и прикупив кое-каких мелочей, князь с сестрой вышли на центральную площадь города и свернули на дорогу, ведущую к казармам. Еще в ротонде Николай Степанович объяснил сестре, что хочет поговорить со старым ветераном, знавшим еще деда Гриши. Уж очень много непонятного происходило вокруг этого парня. Будучи девушкой от природы весьма любопытной, Зоя сразу согласилась с таким предложением и даже не стала возмущаться, когда князь напомнил ей о деле на базаре.

Уже подходя к воротам городских казарм, Зоя дернула брата за рукав и, указывая глазами куда-то далеко вперед, тихо сказала:

– Вот он. С каким-то свертком шагает.

– Вижу, – улыбнулся Николай Степанович.

– Однако и осанка у него. Словно весь город ему принадлежит, – вдруг восхитилась Зоя.

– Насчет города не знаю, а вот гонору там точно на четверых хватит. Я тут намерен попытаться высказать ему, что, мол, почтительности у него маловато, так знаешь, что он мне ответил?

– Надеюсь, не послал куда подальше? – рассмеялась Зоя.

– Нет. Но ответил так, что до сих пор не понимаю, то ли злиться, то ли восхищаться. Меня, говорит, учили Господа почитать и честь воинскую, а все остальное от лукавого.

– А может, он прав? – помолчав, неожиданно произнесла Зоя.

– Как это? – растерялся князь.

– Что тебя беспокоит, Коленька? – с участием спросила Зоя.

– Откровенно говоря, я уже и сам не понимаю, правильно ли сделал, что решил принять участие в судьбе этого юноши. Если бы не Лиза...

– Ты с ума сошел?! – возмутилась Зоя. – Даже думать о таком не смей. Ты же слово дал! Ушам не верю! И это мой брат, которого я всегда считала образцом порядочности и твердости духа. Ты можешь мне объяснить, что случилось?

– Сам не понимаю, – нехотя признался князь. – Ты знаешь, Зайка, я всегда был прагматиком до мозга костей. Верил в человеческий разум и науку, а не в гадания и прочую мистику, но столкнувшись с ним, неожиданно понял, что о многом в этом мире и понятия не имею. И признаться, меня это пугает.

– Перестань, Николя. Это смешно. Он просто юноша, которого воспитывали не так, как нас с тобой. Сирота, которому очень не повезло в жизни. И раз у нас есть возможность изменить его судьбу к лучшему, пусть так и будет. А все его странности... А кто из нас без них?

– Бог с ним. Будем считать, что у меня была минутная слабость. Лучше расскажи, с чего вдруг ты решила завести себе охрану.

– Свекровь моя, Ида Казимировна, чтоб ей ни дна ни покрывки, решила, что это я виновата и в болезни ее сыночка, и в том, что он сдох в доме призрения. Хоть и в частном, при хорошем уходе, а все не дома. К тому же Казимир умудрился промотать почти все их состояние. Благо я успела обналичить большую часть своего приданого. А то бы сейчас сидела на твоей шее в качестве нищей приживалки. В общем, она решила назначить меня виноватой во всех их бедах, и чем это закончится, одному богу известно. Старуха она вздорная, да еще и шляхтецкий гонор играет. Считает, что все ее несправедливо обходят. Не постеснялась даже на прием к его величеству сходить, на меня пожаловаться.

– И что? Чем кончилось? – быстро уточнил князь, уже начиная проигрывать в голове различные варианты защиты сестры.

– Ничем. Его величество на тот момент уже хорошо знал, что за фрукт был ее сыночек, да и моя физиономия разбитая ему очень памятна была. В общем, вежливо указал ей на дверь и посоветовал больше не беспокоить его по пустякам. Ох она тогда и взъелась! Ко мне ругаться примчалась. Да только после ее сыночка на меня где сядешь, там и слезешь.

– Зоя, в последнее время я, глядя на тебя, не могу поверить, что это моя любимица Зайка. Словно это не ты говоришь, а какой-то полупьяный унтер.

– Спасибо замужеству, – тут же ошетинилась Зоя. – Знаешь, Коленька, те два года, что я прожила с Казимиром, были двумя годами ада. Столько унижений и издевательств я не получала за всю жизнь. А что до моих эскапад, так ведь тут все просто. То, что не дозволено девушке или замужней женщине, легко прощают вдове. Взять, к примеру, мой салон. Думаешь, мне это нужно? Да я эти великосветские рожи терпеть не могу. Но ведь жить-то чем-то надо.

– Так закрой его. Продай все лишнее. Я имею в виду все то, что может напоминать тебе о прошлом.

– И что дальше?

– Вырученными деньгами войдешь в наше семейное дело и будешь жить на проценты. Уж любимой сестре-то я всегда найду, как лишнюю копейку выделить. А уж это дело у нас никто

отнять не сможет. Я потому до сих пор даже акции не заказываю. Это семейные мастерские, и никто, кроме нас, ими управлять не будет.

– А не многовато нас будет на те мастерские? Ты, я, да еще и Володина семья.

– Ты забываешь о доходе с родительского имения и с Володиных земель. А там мы успели порядок навести. Пришлось, правда, трех управляющих за воровство на каторгу отправить, зато теперь во всем порядок.

– Я подумаю, – очень серьезно пообещала Зоя.

– Подумай. А пока скажи, на что эта старая ведьма решиться может.

– На всё, – решительно заявила женщина. – Она из той мерзкой категории людей, которые считают, что им все должны и они имеют право отбирать у других то, что им понравится.

– Какая-то разбойничья философия. Не находишь?

– Разбойничья и есть. А кем всегда та шляхта была? Узаконенными разбойниками. Ты даже представить себе не можешь, что тот же Казимир вытворял в их родовом имении под Варшавой. Я несколько раз говорила с местными холопами, – Зоя зябко передернула плечами. – Словно в чан с помоями окунулась. Раннее средневековье во всей красе.

Они подошли к воротам казарм, и дежурный, шагнув вперед, представился. Выслушав его, князь вежливо склонил голову и спросил, где он может найти старого казака. Удивленно хмыкнув, молодой солдатик ткнул пальцем в нужном направлении, честно предупредив:

– Только вы там аккуратнее, сударь. Как бы собачки его не кинулись.

– Даст бог, обойдется, – кивнул в ответ князь.

Подойдя к палисаду крошечной мазанки, он остановился и, не поднимаясь на крыльцо, громко спросил:

– Хозяин, дозволю войти.

Послышался стук деревяшки, и выцветшая занавеска откинулась. Вставший на пороге старик окинул нежданных гостей удивленным взглядом и, широко улыбнувшись, ответил:

– Сделайте милость, гости дорогие. Входите. Горцы говорят: гость в дом, Бог в дом. А чем казаки тех горцев хуже? У меня как раз и самовар горячий, и медок свежий.

Войдя в дом, гости с интересом осмотрелись и, подчиняясь жесту хозяина, присели к столу. Увидев изящные турецкие стаканчики, Зоя не сдержалась и, подтолкнув брата, воскликнула:

– Коленька, глянь, какая прелесть! И какие тонкие.

– Это, барышня, турецкие стаканы. Армуды называются. От слова армуд, груша. Форма у них, сами видите, похожая, – усмехнулся казак.

– Неужто в городе продают такие? – не унималась Зоя.

– А на базаре лавку купца Махмуда спросите. У него и купите, ежели понравились.

– Обязательно куплю, – решительно кивнула девушка.

– Вы уж простите нас, уважаемый Василий...

– Макарович, – подсказал казак.

– Василий Макарович, но мы к вам вот по какому делу, – собравшись с мыслями, заговорил князь. – Юноша этот, Григорий, оказал мне большую услугу, и потому я решил принять участие в его дальнейшей судьбе. Но дело в том, что у него иногда возникают странные, даже не знаю, как назвать, не видения, а...

– Знания, – тихо выдохнул казак, доставая кисет. – Вот, значит, как.

– Да. И мне хотелось бы знать, что это такое. Не опасно ли.

– Истина всегда опасна, – пыхнул казак трубкой. – Кровь это.

– Какая кровь? – не понял князь.

– Родовая кровь заговорила, – пояснил старик. – Он вам, сударь, рассказывал, кем у него пращур был?

– Травником?

– Не тот. Первый Серко, что род их зачал, характерником был. Оттого и глаза у всех мужчин в их роду желтые.

– Характерником? И что это значит? – снова не понял Николай Степанович.

– Чалкуном он был. Колдуном, по-вашему. Только не тем, что в сумерках гнилушками баб пугают да зелья приворотные варят, а настоящим, боевым. Серко по-вашему Серый значит. Волком он обращаться умел, глаза отводить, пули да стрелы останавливать. Вот от того волка глаза их роду и достались.

– Точно! – подскочила Зоя. – Помнишь, Гриша сам сказал, что глаза у него волчьи?

– Было такое, – подумав, кивнул князь. – Так что получается, он с нечистым знался?

– Тьфу, дура! Прости господи, царица небесная, – выругался казак и, мелко перекрестив рот, добавил: – Довел старого до греха. То не простое чалкунство было, а говорю же, боевое. Оно от тех воев пошло, что казачий спас придумали. Думаешь, с чего он выжить сумел?

– И с чего же? – быстро спросил князь.

– Батяка его, кончину почуяв, сам на погост ушел, а когда в могилу лег, последние силы сыну отдал. Те, у кого в роду характерники были, такое раз в жизни сделать могут. Он и сделал. Всего себя положил, а не дал роду загинуть. В общем, не бери дурного в голову, ваше благородие. Нет в нем опасности для вас. Больше скажу. Ежели сможешь уберечь парня, не дать роду казачьему сгинуть, тебе зачтется.

Не ожидая от старика такой экспрессии, князь только растерянно кивнул, пытаясь осознать все услышанное. Все эти мистические фокусы вызывали в нем тоску и желание побыстрее все забыть. Зоя, слушавшая старика раскрыв рот, не раздумывая пнула брата под столом ногой и, не давая ему опомниться, быстро спросила:

– А как род казачий считается, только по отцу или по обоим родителям?

– По батьке. Если б казаки только на своих женились, все казачество давно бы загинуло. А чтобы свежую кровь в детей влить, казаки на ком только ни женились. И на татарках, и на турчанках, и на горянках. У первого Серко жена черкешенкой была.

– Откуда вы так хорошо все о них знаете? – вдруг спросил князь.

– Людей спрашивал, – пожал казак плечами. – Деду Гришкиному я должник. А за жизнь спасенную просто деньгами не платят. Оттого и узнавал, что мог. Долги платить надо.

– И как же вы собираетесь их оплачивать? – не сдержался Николай Степанович.

– А я Гришаню наследником своим кликнул. Все что нажил, ему оставил. И бумагу нужную у попа нашего приходского оставлю. А вот ежели вы, сударь, сможете у властей такую же бумагу для парня выправить, то мой вам низкий поклон будет.

– Это не сложно, – отмахнулся князь. – Отправлю к попу стряпчего местного, он все бумаги оформит. Но почему именно его? Почему не раньше?

– Не складывалось. Горцы говорят, кисмет. Но так даже лучше. Так что, князь, поможешь парню?

– Слово даю, – помолчав, заявил князь, расправив плечи.

– Спаси Христос, княже, – перекрестился старый казак.

– Погодите, вы сказали, что назначили Гришу своим наследником. Но вы же не завтра помирать собираетесь? – вдруг сообразила Зоя.

– Не завтра, – с усмешкой согласился старик. – А вот через седмицу точно помру.

– Но как же... Вы не можете этого знать...

– Я – могу. Старые казаки, почитай, все могут, – тихо вздохнул старик.

* * *

Следующая неделя прошла спокойно. Гриша еще два раза ходил в казармы, проведать старого казака. А еще через три дня пришла весть, что Василий Макарович Ломакин окончил

свой земной путь. И словно плача по ушедшему ветерану, с того дня зарядили дожди. Гриша сделал все, как его просили. Заказал службу и отстоял молебен за помин души ушедшего. А еще через девять дней мелкий, занудный дождь сменился настоящим ливнем.

Погода повлияла на всех обитателей купеческого дома, заставив их сидеть по своим комнатам и выбираться оттуда, только чтобы поесть. У самого Гриши грусть по ушедшим родителям смешалась с грустью по вновь обретенному и тут же утраченному старику. Дядька Василь, несмотря на свой почти вековой возраст, был человеком очень интересным, а главное, знающим. За те несколько дней, что они провели вместе, старик успел передать парню многое из того, что не успел передать ему отец.

И вот теперь, сидя в своей комнате и полируя тряпицей клинки кинжалов и сабли, Григорий вспоминал рассказы старого казака. Из задумчивости его вывел странный стук в коридоре. Словно кто-то пытался красться по коридору в сапогах. Этот странный звук заставил парня насторожиться. Он давно уже успел привыкнуть, что старшие девочки то и дело пробираются к нему в комнату, чтобы спрятаться и напугать его. Это уже превратилось в своеобразную игру. Ведь входя в комнату, Гриша всегда находил их.

Но по дому они всегда бегали в мягких домашних башмачках, которые не могли издавать такие звуки. Мягко поднявшись с кровати, парень скользнул к двери и, приложив к ней ухо, прислушался. Первое впечатление было верным. По коридору крались двое, и эти две тихо что-то обсуждали между собой. Отпрянув от двери, Гриша сместился к окну и осторожно выглянул в него. Во дворе, у сарая, где держали автомобиль, стоял какой-то незнакомый мужик со странной дубинкой в руке.

– Это что же, нас грабить среди бела дня собрались? – растерянно прошептал парень и, быстро убрав бебут за пояс, подхватил с кровати саблю.

Оглядевшись, он положил саблю на стол так, чтобы любой вошедший сразу увидел ее, а увидев, подошел к столу. Взяв дедов кинжал в правую руку, а трофейный бебут в левую, обратным хватом, парень встал за шкаф, прямо напротив стола. Страх не было, но появилась звериная злость. Какая-то шваль смеет врывать в дом казака, чтобы всласть пограбить и надругаться над женщинами! Взгляд парня сверкнул, словно расплавленное золото.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату ввалились двое громил. Осторожно прикрыв за собой дверь, они остановились у порога и замерли.

– Глянь, сабля какая! – прохрипел один из громил и решительно шагнул к столу. – Старинная, больших денег стоить должна.

– Нашел время, – вяло огрызнулся второй, с явной завистью в голосе.

Хищно усмехнувшись, Гриша плавно вдохнул полной грудью и ринулся в атаку. Прямой кинжал разрубил стоящему у стола бандиту позвоночный столб под самым затылком, а бебут вошел в грудь второму, разрезав сердце. Бросок юного казака был так стремителен, что оба бандита умерли раньше, чем успели что-то заметить. Он уже утирал клинки тряпицей, которой до этого полировал оружие, а тела только повалились на пол.

Убрав кинжалы в ножны, парень быстро обыскал тела и, закинув все найденное оружие под кровать, вышел в коридор. Теперь нужно было проверить девочек и осмотреть дом. Бесшумной тенью проскользнув на третий этаж, где были обустроены покои детей, Гриша осторожно заглянул в коридор и зло оскалился. Очередная пара громил обыскивала все комнаты подряд, стараясь действовать тихо и быстро.

Воспользовавшись моментом, когда оба бандита скрылись в комнате, парень бесшумно подскочил к нужной двери и, достав оба кинжала, замер. Но едва только дверь комнаты открылась, как он нанес удар. Бебут вошел первому бандиту под грудину, дотянувшись до сердца, а прямой кинжал перерубил еще одному громиле горло. Захрипев, тот попытался отмахнуться ножом, но следующий удар рассек бандиту кисть руки, и нож брякнул об пол. Снова быстрый обыск, и нож с кастетом отправились под шкаф.

«Двое у меня, двое тут, один у сарая. А сколько их всего? – подумал Гриша, осторожно закрывая за собой дверь. – Князь с женой и сестрой наверняка в обеденной зале. Они там все время беседы ведут. Значит, остальные бандиты должны быть там».

Спустившись на второй этаж, Гриша на всякий случай быстро осмотрел его и, убедившись, что больше бандитов нет, прокрался к обеденному залу. Замерев у двери, он прислушался к происходящему внутри и зло скрипнул зубами. В зале действительно были посторонние, и один из них, явно наслаждаясь своей силой, говорил:

– Не стоит так сильно волноваться, дамы и господа. А главное, не надо делать глупостей. Все не так плохо, как может показаться на первый взгляд.

– И что же тут хорошего? – послышался голос князя.

– У вас есть выбор.

– Между чем и чем?

– Вы можете заплатить мне деньгами, или я заберу ваших женщин и они отработают ваш долг. И казачка вы мне отдадите. Виноват он передо мной. А значит, ответить должен.

– Вы в своем уме, почтенный?! – зарычал князь.

– Стоять! Я, может, и не офицер в отставке, но стрелять умею. А в такую кучу народу промахнуться трудно. В общем, пока ведут ваших девчонок, подумайте, что вам дороже. Безродный казак и десяток тысяч рублей, или ваша семья. А кстати, где там эти болваны застряли? Сказал же, быстро и тихо.

– Сейчас гляну, – прохрипел кто-то, и тяжелые шаги зазвучали по направлению к двери.

Дверь открывалась в коридор, и Гриша быстро сместился так, чтобы, открывшись, она прикрыла его от выходящего. Дверь распахнулась, и в коридор выбралось нечто, больше всего напоминающее вставшего на задние лапы матерого медведя. Вышедший не глядя захлопнул за собой дверь и шагнул в сторону лестницы. На то Гришин расчет и строился. В два шага разбежавшись, он прыгнул мужику на спину, вонзая в него оба кинжала одновременно. В шею и в грудь. Длинный кинжал вошел в ключичную впадину, разрезав станковую жилу, дыхательное горло и дотянувшись до сердца, а бебут, разрубив ребра, пронзил сердце спереди.

Хрипя и содрогаясь всем телом, мужик начал медленно оседать. Гриша попытался придержать его, чтобы не нашуметь раньше времени, но едва не надорвался. Охлопав карманы гиганта, парень только головой покачал. Этот медведь вообще с собой ничего не носил. Да и оружие при такой силище ему было лишним. Теперь оставалось самое главное. Добраться до главного бандита так, чтобы он не успел выстрелить.

Этот день Николай Степанович запомнил на всю оставшуюся жизнь. Такого унижения от собственного бессилия он не испытывал никогда. Они с девочками сидели в обеденном зале и мирно беседовали, обсуждая планы на ближайшее будущее, когда дверь распахнулась, и в комнату буквально влетел водитель Ермолай. Следом за ним точно таким же способом в комнате оказался лакей, а за ними ввалился громадный мужик.

Таких гигантов Николай Степанович еще никогда не видел. Следом за ним вошел мужчина средних лет, неприметной внешности с окладистой бородой и, молча присев у стола, сказал:

– Вы, сударь, мне должны.

Окончательно растерявшийся князь только недоуменно переводил взгляд со своих слуг на мужчину и обратно, не находя, что ответить на подобную наглость. Мужчина достал из кармана сюртука револьвер и, наведя его на князя, добавил:

– Не стоит делать глупых движений. Нас больше, а вы, сударь, насколько я могу судить, дома оружие не носите.

Вскоре в комнату затолкали почти всю женскую прислугу. Не хватало только девочек и Григория. Гигант стал так, чтобы в один шаг оказаться между сидящим мужчиной и хозяевами, и замер, словно статуя. Сидящий молчал. А Николай Степанович тщетно пытался осознать,

что происходит и как такое вообще может быть. Словно в тумане он о чем-то говорил с этим бандитом и даже честно старался оценить обстановку, пытаясь не сорваться в истерику.

Все изменилось, когда сидящий вдруг заинтересовался, куда подевались его люди. Гигант, убедившись, что у хозяина все будет нормально, вышел в коридор. Глядя на ствол револьвера, Николай Степанович лихорадочно просчитывал варианты нападения на главного бандита, но каждый раз отчетливо осознавал, что не успеет. И в тот момент, когда князь уже решился на самоубийственный бросок, в комнату словно ураган ворвался. Стремительный и бесшумный. А еще спустя секунду главный бандит, хрипя, сучил ногами на полу, пуская пузыри перерезанным горлом.

Потом дом наполнился полицией, дознавателями и еще кем-то, на кого князь даже не сразу обратил внимание. Из этого полуобморочного состояния его вывел голос Григория, участливо спросивший:

– Николай Степанович, может, водочки выпьете?

Оторвав взгляд от лужи крови, растекшейся по полу, князь поднял голову и, сообразив, о чем его спрашивают, машинально кивнул. Лакей тут же сунул ему в руку стопку и поднес вилку с уже нанизанным на нее соленым огурчиком. Выпив, князь отмахнулся от закуски и, поднявшись, тихо спросил, глядя казачку прямо в глаза:

– Как ты умудрился?

– Так ведь меня этому специально учили, – жестко улыбнулся Григорий.

Князь только головой покачал. После выпитого у него с глаз словно пелена спала. Появилась ясность мысли, и он, очнувшись, развернулся к одному из дознавателей, оказавшемуся рядом.

– Где ваш полицмейстер? – спросил князь так, что дознаватель невольно вздрогнул.

– Ему уже сообщили о случившемся, должен подъехать. А пока, ваше превосходительство, я должен допросить всех ваших домочадцев и особенно вашего казака. Ведь это он убил всех нападавших?

– Нападавших? – переспросил князь и вдруг, ухватив дознавателя за грудки, проревел ему прямо в лицо: – Казака тебе отдать, мразь?! Да я вас всех в Сибирь закатаю, твари. Если б не этот казак, нас бы тут всех положили. Отдать его тебе?! На каторгу у меня пойдешь, если хоть волос с его головы упадет. Где вы все были, когда моих людей средь бела дня всякие подонки мордовали?

– Ваше сиятельство, бога ради, успокойтесь! – лепетал дознаватель, которого князь тряс, словно терьер крысу. – Никто его трогать не собирается. Спросим только, как дело было.

– Спросите?! Это я с вас спрашивать буду, как только в столицу вернусь. Живете тихо?! Кончилась ваша тишина! На каторге все у меня сгниет! Вон отсюда! Все вон!

Сообразив, что в таком состоянии князь способен натворить бед, все посторонние поспешили ретироваться. В комнате остался только судебный медик-эксперт и только что вошедший начальник уголовной полиции. Медик бочком подобрался к Григорию и, ткнув пальцем в кинжалы у него на поясе, спросил:

– Вы, молодой человек, вот этим их резали?

– Этим. С саблей тут особо не развернешься, а нагайкой можно было кого из сторонних зацепить, – спокойно кивнул парень.

– Мне придется забрать у вас это оружие.

– Еще чего?! – возмутился Григорий. – Это мое оружие, и со мной останется.

– Вы не понимаете. Это теперь орудия преступления, – начал было судебный медик, когда князь, услышав его слова, снова завелся:

– Это кто тут преступление совершил? Он? Да я тебя, трубка клистирная, наизнанку выверну.

– Ваше сиятельство, прошу вас, – поспешил вмешаться начальник уголовной полиции. – Это просто слова. Никто у него оружие не заберет. Его просто сравнят с ранами, чтобы убедиться, что все они нанесены именно этими клинками.

– А чего там подтверждать? – удивился Гриша. – Я же прямо говорю, этими кинжалами и резал. Чего еще-то?

– Да чего ты в них так вцепился? – прошипел штабс-капитан, поворачиваясь к парню.

– Это, – Гриша пальцем указал на прямой кавказский кинжал, – от деда наследство. А это, – он указал на бебут, – первый трофей. Оба дамасской стали клинки. Так что и не думайте. Не отдам.

– Значит, так, – прорычал князь. – Григорий – мой телохранитель, и его оружие вы не получите. Судя по всему случившемуся, без оружия в этом городе делать нечего.

Штабс-капитан скривился, но, не решившись спорить, поспешил откланяться, прихватив с собой и своего эксперта. Вскоре полиция покинула дом, и все переместились в буфетную, дав прислуге возможность смыть кровь и навести порядок. Лиза, первым делом убежав к детям, вскоре вернулась, удивленно сообщив, что девочки, наигравшись, уснули и даже не слышали, что происходило в доме. Даже выстрел, которым Ермолай убил стоявшего у сарая бандита, их не разбудил.

– Что это было? – спросил князь, вопросительно глядя на Гришу.

Все уже несколько успокоились и обрели некоторую ясность мыслей. Поэтому, услышав вопрос, дружно уставились на парня.

– Сам не понимаю, – пожал парень плечами. – Я у себя в комнате был, когда все началось.

– Но тот мужик требовал тебя отдать, – не сдавался князь.

– Чушь какая-то, Николаша, – решительно потрянув головой, ответила Зоя. – Гриша постоянно в город один выходил. Чего проще, напасть на него в тихом переулке? Но ведь они сюда пришли. Выходит, Гриша только повод. Скорее, даже наоборот. Они его недооценили.

– Ты права, Зайка. Что-то тут не сходится, – задумчиво кивнул князь, погружаясь в раздумья.

* * *

На следующий день, едва допив утренний чай, князь вызвал к себе Гришу и, приказав собираться, потребовал подавать машину. Уже выходя из дома, князь задумчиво посмотрел на парня и, заметно смутившись, спросил:

– Гриша, а ты огнестрельным оружием-то владеешь? А то все ножами да кинжалами орудуешь. Да нагайкой еще.

– Само собой владею, Николай Степанович. Я ж полное испытание на пластуна держал, – пожал плечами Григорий, явно удивленный таким вопросом.

– Выходит, у тебя его просто нет?

– Я ведь еще не реестровый, – вздохнул парень. – Годами не вышел. Да и не успел батя под меня оружие купить. Мор начался.

– Извини, – смутился князь. – Раз так, тогда поехали.

Ермолай привез их на базар, и Николай Степанович сразу направился к уже знакомой лавке оружейного мастера. Увидев неожиданных гостей, мастер, уже ознакомленный с последними новостями, с чувством пожал Григорию руку, прямо заявив:

– Спасибо тебе, казак. Избавил город от коросты. Житья от них уже не стало.

– А сами-то чего молчали? – возмутился князь. – Императорского запрета на оружие в стране нет.

– А как тут возразишь, если по приказу полицмейстера следствие ведут так, что ежели зашибешь вора, сам же на каторгу и отправишься. А уж если за оружие взялся, так и вовсе сразу виноват. Вот и молчали люди.

– Так, значит, – протянул Николай Степанович таким тоном, что озадачился даже Гриша. – Теперь понятно, зачем они тебя все время в участок тянули, – добавил князь, выразительно посмотрев на парня. – Ладно, посмотрим, чья возьмет. Значит, так, уважаемый. Мне нужно для вот этого казака карабин кавалерийский, господина Мосина системы, револьвер, который сам выберет, по сотне патронов на каждый ствол, обоймы, и все для чистки потребное. Найдется?

– Да как же не найтись, ваше сиятельство?! – возмутился мастер. – Самолично лучшее подберу.

Нырнув куда-то в заднюю комнату, он несколько минут гремел там чем-то тяжелым и железным, а потом вернулся обратно в лавку, неся в руках сразу четыре карабина. Сложив их на прилавок, мастер, словно фокусник, достал непонятно откуда тряпицу и, ловко щелкая затворами, принялся показывать товар. Чуть улыбнувшись, Гриша взял один из лежавших карабинов и медленно, буквально по миллиметру сдвигая затвор, склонился к оружию так, словно что-то слушал. Повторив это действие несколько раз, парень отложил его сторону и взялся за следующий.

Отложив понравившееся оружие в сторону, он кивнул и, повернувшись к мастеру, сказал:

– «Смит-вессон» сорок пятого калибра с двойным действием ударного механизма есть?

– Не тяжеловат будет? – с сомнением спросил князь, вспомнив, что парню нет еще и шестнадцати.

– В самый раз, – твердо ответил парень. – Я с батиным револьвером учился. Так что шутка знакомая.

– Что, и отдача не мешает? – не поверил Николай Степанович.

– Его держать правильно надо, тогда с любым оружием справиться можно.

Сообразив, что об оружии этот парень знает больше, чем вся его семья, вместе взятая, князь замолчал, внимательно наблюдая за каждым его движением. Между тем мастер выложил на прилавок пять револьверов, жестом предложив казаку выбирать. Дальше началось то, что Николай Степанович мог назвать только двумя словами: цирк с колдовством. Парень прокручивал револьверы на пальце, качал на ребре ладони, словно пытаясь определить центр тяжести, и щелкал курками разными способами.

При этом с первого взгляда было понятно, что привык он пользоваться револьвером одинарного действия. Повесив на пояс кобуру, Гриша несколько раз выхватил револьвер, наводя его на угол прилавка и одновременно взводя курок, ребром ладони левой руки тут же нажимая на спусковой крючок. Увлеченный этим зрелищем князь старательно смотрел на ствол оружия, но каждый раз срез ствола даже не вздрагивал, что говорило о точности прицела.

– Вот теперь точно верю, что ты один мог сразу шестерых положить, – вдруг сказал оружейник.

– Не сразу. Я их по двое резал, – отмахнулся Гриша так, словно речь шла не о бандитах, а о курах.

– Ты выбрал? – спросил князь, которому напоминания об этих событиях доставляли почти физическую боль.

– Да. Вот этот, – решительно кивнул Гриша, убирая выбранный револьвер в кобуру.

– Хорошо. Что еще нужно?

– Подсумок под обоймы и самих обойм штук пять, – добавил Гриша.

– Давай, – скомандовал Николай Степанович мастеру.

Выложив все требуемое на прилавок, мастер принялся ловко щелкать костяшками счет. Уже успев прикинуть общую сумму покупки, князь ткнул пальцем в патроны, велел:

– Заряжай. С этого часа без оружия даже в сортир, прости господи, не ходишь.

– А полиция? – уныло поинтересовался Григорий.

– То моя забота. Пусть только сунутся, – прошипел князь так, что оружейник невольно вздрогнул.

Отдав за все купленное кругленькую сумму, Николай Степанович первым вышел из лавки и с ходу наткнулся взглядом на двух рядовых полицейских. Вышедший следом за князем казак, с карабином на плече и револьвером на поясе, заставил стражей порядка переглянуться и мрачно скривиться. Заметив их мины, князь злорадно усмехнулся и, проходя мимо, сказал так, чтобы его услышали все находившиеся рядом:

– Рожи можете кривить, сколько влезет, а кто посмеет моего телохранителя разоружить, от меня лично пулю схлопочет. В этом городе без оружия ходить, только неприятностей искать.

Он отлично понимал, что открыто идет на конфликт с местными властями и эти слова будут немедленно переданы полицмейстеру. Но сдержаться не мог. Еще вчера вечером он поклялся себе, что как только доберется до столицы, то первым делом отправится на прием к его величеству и лично доложит о всех мерзостях, что творятся в этом городе с согласия чиновников. Полицейские, проглотив пилюлю, последовали за ними в десятке шагов, настороженно глядя Григорию в спину.

Усевшись в машину, князь велел водителю ехать домой. Дождавшись, когда автомобиль выкатится на безлюдную улицу, Николай Степанович тяжело вздохнул и, посмотрев на парня, тихо сказал:

– Гриша, Христом Богом молю, сбереги детей. Чего хочешь проси, только сбереги их. Даже если меня убивать будут, плюнь и уйди, главное – девочки. Сам я, похоже, все навыки растерял. Даже стрелять толком разучился уже. А все дела, будь они неладны.

– Ничего вы не растеряли, – так же тихо отрезал парень. – И вчера вы все правильно сделали. Все в одной куче стояли, а у того гада револьвер был. На таком расстоянии он бы сразу двоих зацепил. Нельзя было позволить, чтобы он стрельбу начал. А вы правильно сделали. Начали его разговором отвлекать. Время мне дали, чтобы разобраться, кто где находится.

– Неужто пластунов и такому учат? – растерянno спросил князь, не веря собственным ушам.

– Нас всякому учат, – вздохнул Гриша. – Тут ведь дело не в том, где враг сидит и кого на мушке держит, а в том, что он есть. Есть тот, кого надо убрать. И сделать это так, чтобы другие не поняли.

– Как это?

– А разве вы успели заметить, что я делал?

– Нет.

– Вот в том и штука. Ну да бог с ним. Что дальше делать будем?

– Завтра же начнем собираться. Не хочу больше тут оставаться, – отрезал князь. – Приедем в Екатеринодар, прикажу билеты срочно покупать. Домой ехать надо. Там проще.

Автомобиль въехал во двор, и Ермолай, собиравшийся подъехать прямо к крыльцу, вдруг резко выжал педаль тормоза. Не ожидавший такого князь едва удержался на заднем диване и уже открыл рот, чтобы обругать водителя, когда тот, обернувшись, растерянno проговорил:

– Гляньте, ваше сиятельство. Это что ж еще за новая напасть?

Подхватив карабин, Гриша резко встал, начиная поднимать оружие, но вдруг замер, удивленно ахнув:

– Быть того не может!

– Что там? – раздраженно спросил Николай Степанович, поднимаясь.

Открывшаяся ему картина заставила князя охнуть и выругаться так, что даже сидевший за рулем Ермолай покачнулся. Перед крыльцом в чинный ряд сидели три громадных, лохматых волкодава с обрезанными ушами и завитыми в кольца пушистыми хвостами.

– Это еще что такое? – спросил князь, поворачиваясь к парню.

– Это, Николай Степанович, дядьки Василя звери. Он с ними казарменный двор ночами охранял.

– А здесь они что делают?

– Похоже, к новому хозяину пришли, – неожиданно смутился парень.

– Это к тебе, что ли?

– Угу.

– Только сейчас? Где они тогда до этого были? Может, из казарм сбежали?

– Из казарм они сразу ушли. Как только дядьки не стало, – грустно вздохнул Гриша.

– Ваше сиятельство! – оборвал их разговор вопль откуда-то сверху.

Приехавшие дружно задрали головы. Высунувшийся в окно по пояс лакей, отчаянно размахивая руками, заголосил:

– Ваше сиятельство, прикажите стрелять. Эти твари нас уже полтора часа из дома не выпускают. Пришли и сидят перед крыльцом.

– А стрелять-то зачем? – не понял Гриша. – Они ж ни на кого не бросаются.

– Разберись, Гриша, – устало вздохнул князь. – Вот еще головная боль.

– Не беспокойтесь, Николай Степанович. Эти собачки нам крепко помогут. Если их поставить двор охранять, никакая тварь не пролезет, – ответил парень, откладывая карабин и выходя из машины.

Три громадных кобеля, едва увидев его, дружно вскочили и настороженно уставились на Гришу. Не доходя до них одного шага, парень плавно опустился на одно колено и поочередно заглянул каждому псу в глаза. Этот молчаливый диалог длился минуты три. Потом Гриша погладил каждого пса по морде и, оглянувшись, с улыбкой сообщил:

– Я правильно угадал. Они меня хозяином приняли. А сбежали, как только дядьки Василя не стало. В лесу жили.

– Бред какой-то. Теперь уже и собаки сами себе хозяев выбирают? – фыркнул князь.

– Эти – выбирают, – решительно кивнул Гриша.

– Ты уверен, что справишься с ними?

– А с ними не надо справляться. Они всему уже обучены. Им просто надо показать, кто в доме живет, кого пускать можно и что охранять надо. А дальше они уж и сами справятся. И еще, Николай Степанович, их обязательно надо с собой взять. Слово даю, никто ночью в ваш дом не влезет.

– Добро, – помолчав, решительно кивнул князь. – Раз ты так считаешь, значит, возьмем. А пока уведи их со двора куда-нибудь. А то и вправду домочадцы мои с перепугу глупостей наделают.

– Я их пока в конюшню определяю. Там все равно один Грач стоит.

Слуги успели по приказу князя продать всех коней. Оставался только тот самый аргмак-полукровка, по которому так страдал раненый улан. Ухаживавший за ним Григорий успел назвать коня Грачом, за вороной окрас, и приучить ходить за собой по пятам, словно собачонку. Сообразив, что конюшня для этой своры самое подходящее место, князь только рукой махнул, выбираясь из машины.

* * *

Недаром сказано, один переезд сродни двум пожарам. Глядя на груженные различными вещами подводы, Гриша только головой качал. Ладно дети. Им всегда что-то нужно. Но зачем тащить с собой по пять чемоданов одежды на каждого?! Сам он давно уже уложил все в походный сидор, привязал к нему отцовскую бурку, свернутую в скатку, и с карабином в руках стоял

посреди двора, молча наблюдая за погрузочной суетой. К походной жизни парня приучали с молодых ногтей.

На каждую из уже готовых к дороге подвод он усаживал одного из псов, от чего возникли, едва увидев хвостатых пассажиров, начинали испуганно креститься. Горские волкодавы одним своим видом внушали страх. Сам же Григорий, не обращая на недовольные мины возниц внимания, продолжал внимательно следить за каждым проходившим мимо ворот подворья.

По решению князя все слуги должны были отправиться в путь на подводах. В автомобиле место нашлось только ему, княгине и графине Зое. Сам Гриша должен был следовать за машиной верхом. Николай Степанович не ожидал такого решения парня. Как ни крути, а это почти сотня верст. Но парень, чуть усмехнувшись, пообещал, что не отстанет от них. Зная его умение держаться в седле, князь нехотя согласился. Но главным аргументом для него стали слова парня. Подозвав к ним Ермолая, Григорий сказал, глядя водителю в глаза:

– Слушай и запомни. Что бы ни случилось, ты должен ехать. Стрельба, яма на дороге, бревно, делай что хочешь, но не останавливайся. С остальным я сам разберусь.

– А может, лучше будет тебя огнем поддержать? – не удержался водитель, воинственно продемонстрировав парню револьвер.

– Я знаю, что ты не трус, – улыбнулся Гриша. – Но еще ты водитель. И никто кроме тебя автомобиль вести не сможет. А уж лучше тем более. Потому и говорю тебе, не останавливайся. Сможешь?

– Не сомневайся, – решительно кивнул Ермолай.

– Добре, – вздохнул Гриша с заметным облегчением. Лишние цели в бою ему были не нужны.

Дождавшись, когда водитель вернется к машине, князь повернулся к парню и, подумав, уточнил:

– Ты уверен, что сможешь прикрыть нас, находясь вне автомобиля?

– Рядом с вами я буду связан, – подумав, спокойно ответил Гриша. – К тому же первым делом постараются избавиться от меня. Я ведь вооружен сильнее всех. И пока я там, на дороге, буду зайца им показывать, у вас будет время уехать.

– Не боишься, что могут попасть?

– А зачем тогда меня джигитовке учили? Главное, первый выстрел пережить, а дальше как Господь рассудит.

– Ты вообще ничего не боишься? – растерянно спросил князь.

– Ничего не бояться только умом скорбные. А я на выучку да на Бога надеюсь.

– Что-то часто ты Господа всуе поминать начал. С чего бы? – вдруг спросил князь.

– А казаки перед боем всегда Богу молились. На него уповали и в вере силу брали. Меня так с детства учили, и меняться резона не вижу.

– Может, оно и правильно, – вздохнул Николай Степанович и, заметив, что все четыре подводы загружены, добавил: – В путь. С Богом.

Гриша чуть усмехнулся и взлетел в седло Грача, не касаясь стремени. Увидев это, Зоя только восхищенно головой покачала. Князь, заметив ее взгляд, невольно оглянулся и, сообразив, что ее так восхитило, только понимающе хмыкнул. Парень и вправду выглядел колоритно. Широкоплечий, поджарый, узкий в талии, перетянутой чеканным поясом. Черная черкеска сидела на нем словно вторая кожа. Положив карабин поперек седла, Гриша разобрал повод и, дождавшись, когда автомобиль выкатится со двора, сжал бока коня коленями.

– Не понимаю, зачем ему нагайка, если он даже поводьями почти не пользуется, – вдруг сказала Зоя, в очередной раз оглянувшись.

– Нагайка – это тоже оружие. Я тоже этим вопросом интересовался, – усмехнулся Николай Степанович.

– Выходит, конем он управляет только ногами? – не унималась Зоя.

– В бою – да. Казаки сами растят и обучают своих коней. Кстати, и горцы тоже. Помню, я очень удивился, когда узнал, что горцы своих коней подковывают, только когда собираются в долгий поход по равнине. В горах же подковы только мешают.

– Чем? – с интересом спросила Лиза, внимательно слушавшая их разговор.

– Копыта у коней шершавые, хорошо цепляются за камень. В горах почти все дороги больше похожи на козьи тропы. Так что подковы – это серьезная опасность слететь в пропасть вместе с поскользнувшимся конем.

– Интересно. Никогда бы не подумала, – протянула Зоя.

Разговор увял сам собой. Девочки затеяли очередную игру, и Лизе пришлось сосредоточить все свое внимание на них. Зоя увлеклась осмотром пейзажей, погрузившись в свои раздумья, и только Николай Степанович продолжал крутить головой по сторонам, высматривая возможную опасность. За время пути было решено не останавливаться, и к вечеру машина вкатилась на окраину Екатеринодара. Уже зная, где князь собирался остановиться на ночь, Ермолай уверенно подогнал автомобиль к крыльцу гостиницы.

Выскочив из машины, он поспешил к управляющему. Спустя еще двадцать минут все вопросы были решены. Семья Воронцовых-Ухтомских останавливалась в этой гостинице по пути в Ессентуки, так что память о весьма щедрых постояльцах заставила гостиничную службу приложить все усилия, чтобы гости остались довольны. Спустя еще три часа, уже в темноте, прибыли и подводы с вещами. Их, не разгружая, загнали в сарай, под замок, а машину, коня и собак закрыли на конюшне.

Пока семья занималась собой и детьми, Гриша успел выводить и вычистить коня, накормить собак и помыться у колодца. На ужин его позвали к столу в комнаты князя.

– Что завтра делать будем? – спросил парень, едва успев допить свой чай.

– Все сидят в номерах, а мы с тобой отправляемся на вокзал, – отрезал князь.

– А там-то я вам зачем? – не понял Гриша.

– Пора тебе учиться жить в большом мире.

– Ну, тогда я и карабин брать не стану. Ежели что, так и револьвера хватит.

– Сам решай, – кивнул Николай Степанович.

По договоренности с князем ночевать Гриша решил в номере, где поселили девочек. Большой люкс имел три спальни и одну общую гостиную. Там парень и заночевал, удобно устроившись на широком диване. Карабин парень положил на пол, а револьвер устроил у спинки дивана, под левую руку. Скинув сапоги и черкеску, Гриша подложил под голову бурку и, прикрыв глаза, моментально уснул странным, почти не человеческим сном. Раз в два часа он открывал глаза, потягивался и, повернувшись на другой бок, снова засыпал. Этому способу спать в походе его научил дед.

Едва рассвело, как парень снова был на ногах. Бесшумно одевшись, он спустился к задней двери и, выбравшись во двор, поспешил к колодцу. Умывшись, Гриша вернулся обратно и, дождавшись пробуждения няnek, с облегчением передал им заботу о девочках. Две дородные женщины средних лет, служившие в семье Воронцовых-Ухтомских долгие годы, только растерянно головами покачали, застав парня полностью одетым, умытым и бодрым.

После завтрака, не дожидаясь, пока Николай Степанович изволит собраться, парень поспешил на конюшню. Убедившись, что с конем все хорошо, он накормил собак и отправился к машине. Ермолай уже успел выкатить авто во двор и теперь старательно обтирал с него пыль, тихо ворча, что по таким дорогам на приличной машине и ездить невозможно. Увидев выходящего из конюшни казака, Ермолай только головой покачал, удивленно спросив:

– Ты чего, вообще не спишь?

– Сплю. Да только привык я с рассветом вставать. К тому же животину обиходить надо было.

– Да уж, собрал зверинец, – фыркнул водитель.

– За тех собак ты еще меня благодарить будешь, – не остался парень в долгу.

– С чего это?

– А с того, что эти собаки любого вора на клочки порвут, если им правильно место охраняемое показать. А в том месте и автомобиль твой стоять будет.

– Ну, это да, – почесал в затылке Ермолай. – А что, они и вправду знают, кого можно пускать во двор, а кого нет? Обычно собаки вроде на всех брешут.

– Так ведь это как научишь, – рассмеялся Григорий. – Люди ведь как делают. Взяли кутенка, посадили у будки на цепь, и вся забота. Вот он и брешет на всех подряд. Вроде как хозяину сообщает, что человек во двор вошел. А что за человек, откуда, это уж хозяин и сам разберется. Пес-то ведь не обучен. Сам разбирать не умеет.

– Ишь ты, наука целая, – усмехнулся водитель.

– А ты как думал, душа керосиновая? Что коня, что собаку, да того же вола, и то научить надо, как ровно ярмо тянуть. А иначе он тебе такого напашет, что потом борозду ровнять устанешь.

– А правду говорят, что местные тут на буйволах пашут? – вдруг спросил водитель.

– Верно. У кого на такого зверя деньги есть, те держат.

– И не боятся?

– А чего бояться? – не понял Гриша. – Буйвол тот же бык, только побольше. Да молоко у буйволицы пожирнее. А так, что одно, что другое, с рогами да с копытами.

– Говорят, злые то звери.

– Всякие есть. Но норов там и вправду покруче, чем у быка. Да только к любой животине подход нужен. Она ведь живая.

– Нет, по мне, уж лучше техника. Ни норова, ни злости. А коли сломалось что, так сам дурак. Смотреть надо было лучше, – сделал вывод Ермолай, снова принимаясь обтирать машину.

– Тоже верно. Да только в бою без тебя эта техника встанет кучей железа и будет стоять, пока не развалится. А конь обученный и раненого из боя вынесет, и от врага защитит. Да и бивак посторожить может. Кони – звери чуткие, – ответил Григорий словами деда.

Не ожидавший такого высказывания Ермолай растерянно замер, пытаясь найти достойный ответ, но его размышления прервал вышедший из дверей князь. Водитель мигом распахнул дверцу, и спустя полчаса они входили в кабинет начальника вокзала. Пожилой, но крепкий мужчина в форме железнодорожника, услышав требование князя, только удивленно крикнул и, покосившись на замершего, словно статуя, казака, осторожно спросил:

– Если я правильно понял, ваше сиятельство, вы желаете выкупить полностью все места в вагоне первого класса и прицепить к пассажирскому составу товарный вагон для вашего имущества?

– Совершенно верно, – кивнул Николай Степанович, непонимающе глядя на чиновника.

– При всем моем уважении, князь, но должен предупредить, что это будет весьма... э-э... затратно. Гораздо дешевле будет отправить все вещи багажом, а самим же приобрести достаточное количество билетов.

– Я произвожу впечатление человека, не способного оплатить свой заказ? – голос князя посуровел, и чиновник, заметно струхнув, поспешил заверить:

– Ни в коем случае, ваше сиятельство. Просто я, как лицо должностное, обязан предупредить вас о подобных вещах.

– Считайте, что уже предупредили. Так когда я могу получить требуемое?

– Э-э, вы так сильно торопитесь?

– Дела требуют моего скорейшего прибытия в столицу.

– Тогда я сейчас же вызову сюда кассира и прикажу срочно формировать пару.

– Вас что-то смущает, ваше превосходительство? – неожиданно спросил князь.
– Вагон первого класса, – нехотя протянул начальник вокзала.
– А что вагон? – не понял Николай Степанович.
– Их мало. А пассажиров, желающих срочно вернуться домой, становится все больше. Отсюда и мое смущение, – признался чиновник. – Сезон, знаете ли, заканчивается.
– В империи не хватает пассажирских вагонов первого класса? – удивился князь.
– Не сочтите за обиду, ваше сиятельство, но многие состоятельные пассажиры предпочитают поступать точно как вы сейчас. Выкупают полностью вагон, хотя по факту занимают едва ли половину. Отсюда и нехватка подвижного состава.
– Хорошо. После нашего размещения, если останется место, вы сможете посадить в наш вагон еще кого-то. Желательно семью, – помолчав, заявил Николай Степанович.
– Весьма благородно с вашей стороны, – обрадовался чиновник. – Не извольте беспокоиться, лично выберу самых достойных.
– Мне нет дела до их сословного происхождения, – отмахнулся князь. – Мне надо, чтобы это была семейная пара, желательно с ребенком. Можно даже не с одним. У меня самого трое, так что девочкам будет с кем поиграть в дороге.
На это замечание Гриша только усмехнулся уголками губ. Уж кто-кто, а три юные княжны всегда находили способ занять себя и создать всем остальным кучу переживаний.

* * *

Мелкий, морозящий дождь вымочил оконное стекло, а порывы резкого ветра, пахнущего осенью, заставляли плясать языки пламени в камине. Подкинув в очаг пару поленьев, хозяин кабинета зябко поежился и взял из кожаного бювара очередное письмо. Но вчитаться в строчки каллиграфического почерка он не успел. Дверь открылась, и в кабинет бесшумно вошел старый, верный слуга. Слегка прихрамывая, он подошел к креслу и, протянув хозяину поднос для корреспонденции, тихо сказал:

– Вы приказывали сообщать вам сразу, как только податель сего появится, сэр.
– Спасибо, Роджер. Пригласите его сюда, – кивнул хозяин кабинета, взяв с подноса визитку.
Слуга вышел, а хозяин, швырнув кусочек плотной бумаги в огонь, мрачно вздохнул. Послышались быстрые шаги, и слуга, впустив в кабинет посетителя, замер на пороге, ожидая указаний.

– Принесите шерри и скажите, пусть сварят кофе, Роджер.
– Слушаюсь, сэр. Что-нибудь еще?
– И в течение часа пусть нас не беспокоят. Только если будет что-то срочное.
– Хорошо, сэр, – слуга, склонив голову в поклоне, скрылся за дверью.
– Ему только манеры в парламенте преподавать, – проворчал гость и, протянув руки к камину, пошевелил озябшими пальцами.
– Он свою работу делает безупречно. В отличие от других, – тихо ответил хозяин кабинета, и гость заметно поежился. – Рассказывайте, Спенсер. Рассказывайте.
– Не сомневаюсь, что вы и так уже все знаете, – грустно усмехнулся гость.
– Я много чего знаю. Но это не освобождает вас от необходимости отчитываться. Я жду, – жестко приказал хозяин кабинета.

– Как пожелаете, сэр, – вздохнул гость и, выпрямившись, начал рассказ: – Как вы и приказывали, я отправился на Кавказ, чтобы завести нужные знакомства. Наш человек свел меня с несколькими главами кланов. Пришлось крепко потратиться, подарить им два десятка винтовок нашего производства, но цели я достиг. Доктор сделал свое дело. Фигурант поверил ему и отправился поправлять здоровье на воды. Но тут возникла проблема. В окрестностях извест-

ного вам города вспыхнул мор, и горцы наотрез отказывались покидать свои вонючие сакли. Болезнь напугала их.

– Их можно понять, – усмехнулся хозяин кабинета. – Своя шкура всегда дороже.

– Совершенно верно. Но мне удалось уболтать четырех молодых горцев, сыграв на их гордости, спуститься в предгорья. Им все равно нужно было сдавать экзамен на звание воина, а воровство овец в соседнем ауле особой славой им бы не принесло.

– Они все еще практикуют обряд инициации?

– Да, сэр. Эти дикари более всего ценят воинскую доблесть и удачливость в бою. Не буду утомлять вас подробностями, но к тому моменту, как еще один мой человек навел нашего друга на удачную мысль о пикнике на природе, четверо горцев уже были в предгорьях. А самое главное, место для пикника было названо в стороне от дорог и маршрутов патрулей. К тому же местным казакам было не до службы. Как я уже говорил, в предгорьях царствовал мор.

– Всего четверо?

– Им всего лишь нужно было убить трех мужчин и захватить трех женщин. Но как оказалось, местный городничий уговорил фигуранта не выезжать из города без сопровождения солдат. В итоге расклад изначально сложился не в пользу горцев. Но меня это не остановило. Настоящих бойцов там все рано оставалось только трое. Солдаты и сам фигурант. Двое других всего лишь слуги. Но, как оказалось, я рано обрадовался. Эти дикари так и не научились толком пользоваться огнестрельным оружием. К тому же им выдали не новые винтовки, а дульнозарядные штуцера.

– Вы должны были предусмотреть такой вариант развития событий и вмешаться.

– Исключено, сэр. Инициацию проходят с оружием предков. То есть они брали то оружие, с которым воевали их отцы. Символ преемственности поколений и соблюдения традиций. К тому же именно с этим оружием они и тренировались.

– Хорошо. Я понял.

– Все шло как нельзя лучше. Первым же залпом горцы сумели ранить обоих солдат и одного слугу. Фигурант и его водитель оказали вооруженное сопротивление. Кстати, должен сказать, что мне не сообщали, что водитель постоянно носит с собой оружие.

– Мы и сами этого не знали, – мрачно кивнул хозяин. – Это точно?

– Абсолютно. В перестрелке был убит один из нападавших, и тогда их наставник, который и вел их в этот поход, приказал начать обходить машину, за которой прятались все атакуемые, с разных сторон. Кое-какими зачатками знаний о тактике он владел. Дело шло к завершению, и я почти праздновал победу, когда в дело вмешался непредвиденный фактор. То, чего никакими планами предусмотреть невозможно.

– И что же это?

– Молодой казак, шедший мимо. Стрельба привлекла его внимание, и он не нашел ничего лучше, как вмешаться. Вынужден отдать ему должное. Выучка у этого парня такая, что даже я был удивлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.